

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

и М. П. Коров.

А. П. въ 1879 г. по окончаніи гимназіи.

О Чеховѣ.

I.

Передо мною пачка чеховскихъ писемъ и его фотографическій портретъ.

Съ тоскою перечитываю дорогія письма. Милый, незабвенный Чеховъ!

Не хочется вѣрить, что Чехова уже нѣтъ и никогда болѣе онъ не появится между нами—скромный, привѣтливый, желанный...

Много произошло значительныхъ событій послѣ смерти Чехова. А все еще нѣтъ возможности отойти мыслью отъ тяжелой утраты. И о чемъ ни думаешь, мысли опять притекаютъ къ Чехову, какъ ручьи къ морю. Нахлынетъ волна житейскихъ мыслей: хорошо бы сдѣлать то-то и то-то, хорошо бы осенью поѣхать въ Крымъ. И забудешься на нѣкоторое время подъ гип-

нозомъ суеты. А наступитъ ночь, останешься вдвоемъ съ минувшимъ. И опять изъ глубины души всплыветъ незабвенный образъ и почудится знакомый голосъ:

— Ну, что-жь? Поѣзжайте въ Крымъ, пишите очерки. Но меня уже нѣтъ съ вами. Я ушелъ отъ васъ. Куда? Не знаю. Я боялся думать объ этомъ. Но, вѣроятно, тамъ, куда я ухожу, не хуже, нежели среди васъ,— изнервничавшихся, оплѣшивѣвшихъ и до такой степени извѣрившихся во все святое и высокое, что и понять уже невозможно, чѣмъ собственно вы живы и какъ васъ еще земля держитъ...

Нѣтъ Чехова! Какая обидная утрата! Особенно теперь, когда все кругомъ выходитъ изъ береговъ и не видно конца надвигающемуся половодью...

Бѣдная ты наша, сиротѣющая родина! Какое заклятье тяготѣетъ надъ тобою, что лучшіе цвѣты твоей нивы такъ часто гибнуть, не достигнувъ своего расцвѣта? И чѣмъ ты наполнишь теперь пустоту, образовавшуюся въ тебѣ послѣ Чехова, который такъ ласково обвѣвалъ тебя чарами поэзіи и такъ весело вздымалъ твою усталую грудь приливами живительнаго смѣха, какимъ ты не смѣялась послѣ Гоголя?!...

Затуманеннымъ взоромъ пробѣгаю короткія отрывистыя строчки. И передо мною проносится цѣлая эпоха: дѣтство, «мягкіе юношескіе годы», «суровое, ожесточенное мужество», почти вся жизнь со всѣми ея несостоявшимися триумфами и развѣянными иллюзіями...

Семидесятые годы. Таганрогская гимназія. Большая, до ослѣпительности выбѣленная классная комната. Въ классѣ точно пчелиный рой. Ожидаютъ грозу I-го класса—учителя ариеметики, извѣстнаго подъ кличкой «китайскаго мандарина». У полуоткрытой двери съ круглымъ окошечкомъ стоитъ небольшого роста плотный, хорошо упитанный, мальчикъ съ низко-остриженной головой и бѣлымъ лунообразнымъ, пухлымъ, какъ булка, лицомъ. Онъ стоитъ съ слѣдами мѣла на синемъ мундирѣ и флегматически ухмыляется. Кругомъ него проносятся бури и страсти. А онъ стоитъ около двери, нѣ-

Въ Мелиховѣ.

Въ тачкѣ А. П. и М. П. Чеховы, везетъ В. А. Гиляровскій, справа И. П. Чеховъ, слѣва двоюродный братъ А. П.—А. Долженко.

сколько выпятивъ свое откормленное брюшко съ отстегнувшейся пуговицей, и ухмыляется. На черной классной доскѣ появляется вольнодумная фразу по адресу «китайскаго мандарина». Рыхлый мальчикъ вялой походкой подходит къ доскѣ, флегматически смахиваетъ влажной губкой вольнодумную фразу съ доски. Но ухмыляющаяся улыбка все-таки остается на его губахъ. Точно она вцѣпилась въ его бѣлое пухлое лицо, а ему недосугъ отцѣпить ее.

Вялаго увальня съ лунообразнымъ лицомъ и ухмылявшейся улыбкой товарищи называютъ *Антошей Чехонте*. За его улыбку, главнымъ образомъ, мы и переѣздили рыхлаго Чехова Антона въ ласкательнаго Антошу Чехонте. И когда произносили это имя, то почти всегда съ ласковымъ оттѣнкомъ, хотя Чеховъ никакими особенными ни дарованіями, ни прелестями не отличался, ни въ комъ рѣшительно не вызывалъ къ себѣ ни горячей привязанности, ни антипатіи.

Вообще при всемъ моемъ желаніи, я не могу припомнить ни одного яркаго эпизода изъ ранней жизни Чехова; а отчетливо рисуется передо мною только бѣлая маска лица съ ухмыляющейся улыбкой. Еще помню, что всѣ, рѣшительно всѣ, относились къ Чехову хорошо, потоварищески. Онъ не былъ ни задирой, ни плаксой, ни тѣмъ, ни семъ, что называется. И учился Чеховъ тоже такъ себѣ; и держался онъ не то, чтобы сосредоточенно, «съ печатью думы на челѣ», какъ подобало бы будущей знаменитости, а скорѣе полувяло, полузастѣнчиво, съ той осмотрительностью въ поступкахъ, которая съ годами превратилась у него въ драгоцѣнный житейскій тактъ, привлекавшій къ Чехову людей и ограждавшій его отъ злобствующихъ недоброхотовъ.

Почти у каждаго человѣка есть свои Іуды. У Чехова ихъ не было ни въ юности, ни въ зрѣлыхъ годахъ. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что Чеховъ никогда не только не подлаживался къ людямъ и не старался имъ угождать, а скорѣе былъ вялъ въ своихъ отношеніяхъ, не соблюдая иногда даже тѣхъ обще-принятыхъ сма-

зочныхъ пріемовъ, которыми поддерживаются знакомства. Въ этомъ отношеніи Чеховъ мало измѣнился съ дѣтства. И тогда онъ являлъ собою какъ бы нейтральную сторону, не проявляя замашекъ къ подчиненію себя другихъ, но и не растворяясь никогда всей своей личностью въ окружающихъ явленіяхъ.

Но я не могу припомнить за долгій періодъ нашего знакомства ни одного такого момента, ни одного такого случая, когда Чеховъ поступилъ бы недостойно.

Вспоминая теперь всѣ наши встрѣчи съ Чеховымъ, всѣ его особенности, я только теперь начинаю понимать нѣкоторыя исключительныя стороны его характера. Прежде всего въ Чеховѣ никогда не было тѣхъ динамитныхъ элементовъ, которые называются страстями и, захватывая человѣка, какъ налетѣвшій ураганъ, разрушаютъ иногда въ немъ драгоцѣннѣйшую работу многихъ годовъ.

Чеховъ никогда не былъ ни честолюбцемъ, ни игрокомъ, ни рабомъ спорта, ни играліщемъ женской любви. Въ его природѣ было нѣчто каратаевское, если не вполнѣ круглое, то и безъ острыхъ выступовъ, за которые могла бы уцѣпиться какая-нибудь страсть.

Изъ слабостей Чехова, я знаю только одну: его пристрастіе къ рыбной ловлѣ—удочкой. Но мнѣ думается, что и тутъ въ Чеховѣ сказывался не столько страстный охотникъ, сколько поэтъ, склонный къ созерцательному настроенію, нарастающему всегда у тихихъ водъ. Что же касается другихъ видовъ охоты, то Чеховъ, кажется, не сдѣлалъ въ своей жизни ни одного выстрѣла.

Не отличался Чеховъ въ гимназіи, по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ, и пристрастіемъ «къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ». Между тѣмъ, его старшіе братья, Александръ и Николай, славились въ гимназіи, какъ кандидаты въ знаменитости: первый, какъ писатель, второй, какъ художникъ. И когда въ обществѣ заговорили о Чеховѣ, какъ о писателѣ, то многіе таганрогцы думали, что это Александръ Чеховъ.

Въ 1874-мъ г. пишущій эти строки оставилъ таганрогскую гимназію и потерялъ Антона Чехова изъ виду. Прошло около 10-ти лѣтъ.

Я жилъ въ Одессѣ, пописывая въ мѣстныхъ газетахъ и снабжая юмористическіе журналы стишками.

Какъ-то встрѣчаю въ одномъ изъ юмористическихъ журналовъ подпись: *Антоша Чехонте*. Прочиталъ небольшой рассказъ, очень понравившійся мнѣ, и подумалъ: «Кто же это изъ таганрогцевъ попалъ въ литературу и взялъ себѣ въ псевдонимы «Антошу Чехонте»? Подумалъ и рѣшилъ, что, вѣроятно, Николай Чеховъ, имя котораго я встрѣчалъ въ журналахъ подъ нѣкоторыми рисунками.

Старшій братъ Антона Павловича—Николай,—талантливый рисовальщикъ, умеръ въ 1889 году, если не ошибаюсь, отъ того же недуга, что и Антонъ Павловичъ. Кстати здѣсь будетъ упомянуть, что Николай Чеховъ иногда иллюстрировалъ рассказы Антона Павловича. Между прочимъ въ *Альманахѣ*, изданномъ въ 1884-мъ году журналомъ «Стрекоза», есть большой преуморительный рассказъ Ант. Чехова *Шведская спичка* съ рисунками Николая Чехова.

Въ 1884-мъ г., будучи осенью проѣздомъ въ Москвѣ, узналъ отъ одного товарища, что литературный *Антоша Чехонте* и таганрогскій Антоша Чехонте одно и то же лицо. Милый Антоша Чехонте! Но откуда у этой благодушной размазни могло взяться столько сверкающаго юмора! Ѣдемъ съ товарищемъ къ Антошѣ Чехонте.

Если память не измѣняетъ мнѣ, Антонъ Павловичъ жилъ тогда на Срѣтенкѣ, въ Головинскомъ переулкѣ, занимая небольшую скромную квартиру. Онъ жилъ съ своими родителями, братьями и сестрой Марьей Павловной.

Антонъ Чеховъ былъ неузнаваемъ. Въ нѣсколько минутъ онъ произвелъ на меня болѣе полное впечатлѣніе, нежели Рейнскій водопадъ на Карамзина. Чеховъ и поразилъ меня, и плѣнилъ. Поразилъ своей внѣшностью, плѣнилъ содержаніемъ и привѣтливостью. Въместо вя-

лаго рыхлаго увальня съ пухлымъ, какъ булка, лицомъ, передо мною стоялъ высокій, стройный юноша съ веселымъ, открытымъ и необыкновенно симпатичнымъ лицомъ. Легкій душокъ темнѣлъ на его верхней губѣ. Цѣлая волна шелковистыхъ волосъ, поднявшись у лба, закругленнымъ изгибомъ уходила назадъ съ слегка-раздвинутымъ проборомъ почти на серединѣ головы, что придавало Чехову характеръ русскаго милостиваго парня, какіе повсюду встрѣчаются въ зажиточныхъ крестьянскихъ семьяхъ. Въ общемъ Чеховъ такъ перемѣнился съ внѣшней стороны, что я его не узналъ бы. Но болѣе всего меня поразили въ Чеховѣ: его внушительная степенность, хорошій тонъ и ровное, привѣтливое обращеніе. Онъ ни суетился, ни радушичалъ, ни старался во что бы то ни стало быть остроумнымъ и интереснымъ. Но отъ него такъ и вѣяло самоцвѣтностью, умомъ, привлекательностью. Особенно понравился мнѣ его голосъ—звучный, съ баскомъ, какимъ говорятъ юноши, когда у нихъ начинаютъ прорасти усы. Басовой тембръ голоса, слегка только потускнѣвшій въ послѣдніе годы, и студенческое словцо: «понимаешь» остались у Чехова до послѣднихъ дней.

Семья Чехова узнала меня и отнеслась, какъ къ земляку, съ тѣмъ южнымъ радушіемъ, съ какимъ Чеховы вообще относились къ своимъ гостямъ. У Антона Чехова оказалась про запасъ для друзей уже и своя книжка *Сказки Мельпомены*, которую онъ тутъ же съ милой надписью и подарилъ мнѣ. Къ сожалѣнію, эта рѣдкая книжка погибла во время пожара съ другими драгоценными для меня сувенирами.

Нѣсколько часовъ, проведенныхъ у Чеховыхъ, пролетѣли незамѣтно. Я долженъ былъ уходить. У меня было назначено свиданіе съ нѣсколькими моими пріятелями въ Тѣстовскомъ трактирѣ. Но мнѣ не хотѣлось расставаться и съ Чеховыми. И я предложилъ Николаю и Антону Павловичамъ прійти часамъ къ 11-ти къ Тѣстову. Антонъ Павловичъ пробасилъ:

— Ну, что-жъ? Это идея!

Николай тоже изъявилъ согласіе. Къ 11-ти часамъ у Тѣстова собралась довольно большая компанія, изъ которой, если не ошибаюсь, кромѣ пишущаго эти строки никого уже не осталось въ живыхъ.

Но что это была за милая компанія и исключительная вечеринка! Сколько разъ Чеховъ впослѣдствіи говаривалъ, мягко улыбаясь:

— А помнишь вечеръ у Тѣстова?

— Ну, какъ же его забыть!

И на обоихъ насъ вѣяло нашими весенними грезами.

Кромѣ братьевъ Чеховыхъ и нашего общаго по гимназіи товарища, Д. Савельева, всѣ остальные на вечеринкѣ впервые встрѣчались другъ съ другомъ. Но это не только не помѣшало сліянію маленькаго кружка, а какъ бы еще болѣе способствовало новизной знакомствъ интересу вечеринки. При этомъ такъ случилось, что каждый изъ участниковъ оказался обладателемъ какого-нибудь особеннаго застольнаго таланта и охотно вносилъ его въ вечеринку, какъ различные напитки въ крушонъ.

Былъ, между прочимъ, среди насъ и пѣвецъ съ сильнымъ красивымъ баритономъ, нѣкто графъ Л. Меллинъ (тоже умершій). Послѣ ужина онъ живо импровизировалъ хоръ, въ которомъ наиболѣе дѣятельное участіе принималъ Антонъ Павловичъ. Помню, особенно старался онъ въ комической *Маланьѣ* и въ звоноподрожательной пѣсенкѣ «Frère Jacques», завезенной мною изъ Швейцаріи.

Теперь, вѣроятно, у Тѣстова не такъ уже благосклонно взглянули бы на компанію, которая, занявъ большой кабинетъ, устраиваетъ до утра шумныя игры и хоры, а изъ напитковъ требуетъ преимущественно квасъ да чай. Но тогда были иныя времена.

Послѣ пѣсенъ кто-то предложилъ превратить нашу вечеринку въ декамероновскій вечеръ безъ обязательнаго, однако, характера декамероновскихъ рассказовъ. И опять Чеховъ, покручивая пушокъ на бородѣ, весело забасилъ:

— Это идея!

Начались воспоминанія и импровизаціи. Шуткамъ и смѣху не было конца. Такъ просидѣли мы до утра, веселясь, какъ школьники. Передъ уходомъ Антонъ Павловичъ пустилъ своего рода ракету. Онъ попросилъ слова и въ шутливомъ тонѣ произнесъ рѣчь, содержаніе которой, однако, всѣхъ насъ тронуло. Онъ сказалъ приблизительно, что будь онъ богатымъ человѣкомъ и имѣй брильянтовое кольцо, то онъ бы «на ономъ камнѣ начертилъ» (т.-е. на зеркалѣ), что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ трактиръ Тѣстова, никогда въ его стѣнахъ не собиралась такая прекрасная компанія и не проводилось такъ интересно время. Помню, когда мы на улицѣ распрощались съ Чеховымъ, провожавшіе меня пріятели, повторяли нѣсколько разъ объ Антонѣ Павловичѣ:

— Какой онъ милый! Какой симпатичный!

И, дѣйствительно, въ тотъ періодъ и въ лицѣ, и въ обращеніи, и во всемъ существѣ Чехова было нѣчто необыкновенно привлекательное. Отчасти это понятно. вмѣстѣ съ весной его жизни въ немъ уже распускались и нѣжные цвѣты вишневыхъ садовъ.

II.

По приѣздѣ изъ Москвы въ Одессу я прочиталъ подаренныя Чеховымъ *Сказки Мельпомены* и пришелъ въ восхищеніе. Превосходный языкъ, яркая сжатая обрисовка характеровъ и неподобный, свѣжій, какъ лѣсной родникъ, юморъ. Не могу при этомъ не похвастать, что первая рецензія въ Россіи о произведеніяхъ Чехова принадлежала мнѣ. Въ ней я предсказывалъ блестящую будущность молодому автору. Къ сожалѣнію, рецензія гдѣ-то затерялась. Но у меня сохранилось письмо Чехова отъ 1884-го г. по поводу этой рецензіи.

«Получилъ вырѣзку, — писалъ онъ: — изъ невѣдомаго мнѣ органа и невѣдомаго мнѣ автора. Шлю невѣдомому Богу благодарность, кусочекъ коей можешь себѣ присвоить не столько за вырѣзку, сколько за память».

Какъ характеренъ Чеховъ въ этихъ нѣсколькихъ сло-

вахъ! Подумать только, какъ распространился бы всякій другой по такому же поводу въ чеховскомъ положеніи въ его годы!

Невольнo сплетая въ умѣ яркое дарованіе Ан. Чехова съ его симпатичной личностью, я переживалъ тогда такое чувство, какъ будто онъ былъ моимъ меньшимъ братомъ, будущее котораго связывалось невидимыми нитями и со мною. И когда Чеховъ черезъ нѣкоторое время началъ печататься въ «Новомъ Времени», гдѣ помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ неподобныхъ очерковъ, это чувство мое къ Чехову-писателю все росло и укрѣплялось. И, припоминая теперь мою жизнь, я съ сладостной тоскою думаю, что Чеховъ былъ самой чистой и нѣжной моей привязанностью, хотя мы никогда съ нимъ, ни въ юности, ни въ зрѣлые годы, не были не только друзьями, но и близкими пріятелями. И раздѣляло насъ не только разстояніе мѣстъ, но и болѣе непреодолимая преграда. И, тѣмъ не менѣе, Чеховъ былъ и остался для меня самымъ милымъ и дорогимъ изъ всѣхъ моихъ товарищей.

Иногда между нами возникала переписка, и я во дни стихотворныхъ припадковъ писалъ ему цѣлыя посланія въ стихахъ, которые, если ихъ не постигла справедливая участь—уничтоженіе, могутъ служить прекраснымъ біографическимъ матеріаломъ для характеристики обаятельной личности Чехова.

Послѣ нашего московскаго свиданія съ Чеховымъ прошло 5 лѣтъ. Имя Чехова, какъ писателя, уже носилось въ воздухѣ, хотя такъ-называемая толстая критика все еще помалкивала о немъ.

Лѣтомъ 1889 г. мнѣ пришлось ѣхать изъ Мариуполя въ Одессу и познакомиться на пароходѣ съ труппой изъ артистовъ московскаго Малаго театра: К. Каратыгиной, Пановой, И. Н. Грековымъ, О. Правдинымъ, А. П. Ленскимъ и другими. У насъ оказались общіе знакомые въ Москвѣ и, между прочимъ, Антонъ Павловичъ Чеховъ. Онъ въ это время переживалъ тяжелый періодъ—утрату своего любимаго брата Николая. Кто-то подаль

мысль, какъ бы хорошо было залучить Чехова въ Одессу, гдѣ онъ никогда не былъ. Это могло бы его развлечь, а мы вмѣстѣ посильно постарались бы облегчить его горе. Помню, А. П. Ленскій такъ и загорѣлся отъ этого плана: онъ очень любилъ Чехова и неподобно читалъ его очерки.

— Отлично! Превосходно! Надо написать ему. А еще лучше: послать депешу.

Всѣ согласились. Была составлена депеша, даже кажется въ стихахъ,—и послана Чехову. Съ телеграммой, какъ это часто бываетъ, вышла какая-то путаница. Но въ заключеніе все окончилось къ общему удовольствію. Чеховъ извѣщалъ, что приѣдетъ въ Одессу.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ приѣхалъ съ своимъ меньшимъ братомъ, народнымъ учителемъ Иваномъ Павловичемъ.

При первомъ взглядѣ на Чехова передо мною какъ бы пронеслась въ воздухѣ раненная чайка. Чеховъ былъ милъ, привѣтливъ, съ теплотою говорилъ о минувшихъ дняхъ, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сказать какую-нибудь шутку. Но это уже былъ не тотъ, не московскій Чеховъ, не милый Антоша Чехонте. Что-то отлетѣло отъ него. Что-то поблекло въ немъ. Около глазъ появились излучины. Привычка вертѣть пушокъ на бородѣ замѣнилась тихимъ перебираниемъ волосковъ на усахъ, особенно когда онъ слушалъ. А по молодому и все еще миловидному лицу отъ времени до времени проносилась какая-то тѣнь. Сначала я думалъ, что тѣнь эта падала изнутри, отъ свѣжей раны, нанесенной смертью брата Николая. Но Чеховъ говорилъ о смерти Николая спокойно и съ той дѣловой разсудительностью, которой отличался Чеховъ, когда говорилъ о чемъ-нибудь серьезномъ.

Здѣсь, можетъ-быть, уместнымъ будетъ сказать, что Чеховъ никогда, ни въ дѣтствѣ, ни въ зрѣломъ возрастѣ, не отличался ни тѣми восторженно-нѣжными родственными чувствами, ни тѣми сердечными вліяніями, которыя онъ изображалъ въ своихъ произведеніяхъ съ такой

трогательной прелестью. Чеховъ почти всегда былъ «человѣкомъ въ футлярѣ». И вѣрнѣе всего, что въ тотъ періодъ времени смерть брата Николая впервые поразила слухъ Чехова своимъ грознымъ предостереженіемъ: «Memento mori», замутивъ ясную лазурь его души.

О недугѣ Антона Павловича мнѣ было уже извѣстно и тогда, хотя онъ всячески и старался убѣдить себя и другихъ, что онъ совершенно здоровъ. И появившееся въ печати утвержденіе о томъ, что только послѣ поѣздки на Сахалинъ опредѣлилась болѣзнь Чехова, мнѣ кажется невѣрнымъ. Кровохарканія у Чехова появились еще и въ восьмидесятихъ годахъ, когда онъ былъ студентомъ, какъ это видно изъ его письма, которое я привожу ниже. Но Чеховъ только не хотѣлъ вѣрить въ его злокачественность.

Всѣ облачка, тѣни, излучины и новыя черточки въ Чеховѣ были, однако, новинками только для меня. Кромѣ меня, кажется, никто не замѣчалъ переменъ въ Чеховѣ.

Отношенія всего кружка, въ которомъ очутился Чеховъ въ Одессѣ, были исключительныя. Чеховъ былъ для всѣхъ милымъ и желаннымъ Антономъ Павловичемъ.

И наружно Чеховъ относился ко всѣмъ мягко и дружественно. Но за глаза онъ не могъ иногда не отдѣлаться отъ вѣдренной въ него юмористической жилки и мѣтко подшучивалъ надъ слабостями окружающихъ. И я думаю, что это наша національная, чисто-русская черта, отъ которой, разумѣется, не былъ свободенъ и такой настоящій руссакъ, какъ Чеховъ.

Въ чемъ таится неистребимая живучесть этой жилки, трудно сказать. Но едва ли можно представить себѣ русскаго человѣка, который, обладая наблюдательностью и юморомъ, не былъ бы грѣшенъ этой слабостью и не налѣпилъ бы при случаѣ даже на самаго близкаго человѣка какого-нибудь ярлыка или мушки.

У Чехова русская жилка къ шуткѣ «надъ собой, надъ ближнимъ и надъ всѣмъ твореніемъ» билась болѣе, чѣмъ

у кого бы то ни было изъ русскихъ писателей. И какъ, не взирая на всѣ кажущіяся противорѣчія въ характерѣ Пушкина, обаятельный образъ его ясенъ для всѣхъ, такъ со временемъ станетъ яснымъ для всѣхъ и обаятельный образъ Ан. Чехова.

Въ первый же день приѣзда Антона Павловича въ Одессу мы, разумѣется, вечеромъ были въ театрѣ, а затѣмъ всей довольно большой компаніей ужинали въ «Сѣверной гостиницѣ», гдѣ поселились и артисты Малаго театра, и Чеховъ. За первымъ ужиномъ и за остальными застольными собраніями всегда какъ-то такъ выходило, что Чеховъ являлся какъ бы и поводомъ, и узломъ нашихъ собраній. Всѣ относились къ нему, какъ радушные хозяева къ своему дорогому гостю.

И послѣ перваго же ужина, прийдя домой и перебирая впечатлѣнія вечера, я не могъ не замѣтить, что въ Чеховѣ, какъ въ человѣкѣ, за 5 лѣтъ видимо происходила большая работа, и замѣтны были значительныя надстройки. Это былъ уже не веселый юноша, могущій ради компаніи поступить на медицинскій факультетъ, а законченный, почти откристаллизовавшийся характеръ съ дисциплинированной волей и съ постоянно дѣйствующимъ внутреннимъ метрономомъ. Чеховъ держалъ себя такъ, какъ будто родился и выросъ въ кругу артистовъ и такъ же привыкъ къ своему положенію выдающагося писателя, какъ генераль къ мундиру. Въ Чеховѣ ничего не выдѣлялось угломъ, онъ ничего не подчеркивалъ ни въ себѣ, ни въ другихъ, а былъ просто весель и просто привѣтливъ. Но и привѣтливость его, и веселость уже были не тѣ—не московско-тѣстовскія, которыя здѣсь были бы неумѣстны, а какъ разъ такія, какія интеллигентный, благовоспитанный человѣкъ могъ публично позволить себѣ среди другихъ интеллигентныхъ благовоспитанныхъ людей.

Лучше же всего было то, что Чеховъ ничего, повидимому, не дѣлалъ для того, чтобы держать себя такъ, а не иначе, а велъ себя именно такъ, какъ чувствовалъ. Эта безыскусственность и простота въ обращеніи Чехова

въ связи съ его литературной скромностью, которая была всегда его истиннымъ украшеніемъ, тянули и привлекали всѣхъ къ Чехову. И это чувствовалось и въ тонѣ голоса, и въ томъ вниманіи, съ которымъ слушали Чехова. Но и говорилъ Чеховъ немного и немало, а именно столько, сколько было нужно, чтобъ поддерживать извѣстную температуру настроенія.

На другой день по приѣздѣ Чехова въ Одессу, мы цѣлый день пробродили съ нимъ по бульварамъ, были на пристани, купались въ морѣ. Говорили, разумѣется, о будущихъ планахъ, о литературѣ, о театрѣ. Но разговоръ нашъ ни разу до дна не доходилъ, а все больше скользилъ по верхушкамъ. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого Чеховъ и верхушечно относился къ своему писательскому призванію. Гудя своимъ звучнымъ баскомъ и ухмыляясь улыбкой калужскаго мужичка, онъ говорилъ, что литературная слава для него на заднемъ планѣ. Пишетъ же онъ для заработка.

— У меня, понимаешь, семья, — говорилъ онъ. — Ничего, братъ, не подѣлаешь. Нужно работать. Я и отъ медицины изъ-за этого отодвинулся, которую люблю больше, чѣмъ литературу. Ну, что я, какъ медикъ, могу заработать? Сто, полтора ста рублей въ мѣсяцъ. Да и то съ трудностями. Спишь себѣ, понимаешь, ночью. Будятъ. «Пожалте къ больному». Ъдешь за тридевять земель на край свѣта. Трясешься на извозчикѣ, забнешь, проклинаешь свою профессію. Приѣзжаешь, возишься съ больными, получаешь 3 рубля и опять трясешься, и опять забнешь. А тутъ присѣлъ къ столу, посидѣлъ два-три часа, и готовъ очеркъ, т.-е. 20—25 рублей почти въ карманѣ.

Но позволительно усомниться, что главной причиной перехода Чехова съ медицинскаго поприща на литературное былъ матеріальный расчетъ. Просто-напросто у Чехова не было призванія къ медицинѣ. Потому онъ и оставилъ ее, и никогда серьезно не занимался ею. Впрочемъ, иногда Чехова приглашали на консилиумы, и онъ прекомично рассказывалъ, какъ онъ, будто бы, налов-

чился искусно «сцапывать и зажимать въ рукѣ гонораръ за визиты».

III.

Вечеромъ на другой день по приѣздѣ Чехова въ Одессу мы опять были съ нимъ въ театрѣ, а послѣ театра опять ужинали въ роскошной «Сѣверной гостиницѣ».

Такъ прошло нѣсколько дней.

Чеховъ сначала шелъ иноходью въ надѣтомъ имъ на себя хомутѣ. Но его простая, неиспорченная крестьянская натура съ скромными потребностями начала брать свое. При заказахъ обѣда или ужина въ «Сѣверной гостиницѣ» начали уже происходить цѣлыя конференціи, утомлявшія всѣхъ и никого не удовлетворявшія. Выборъ блюдъ былъ огромный, а остановиться было не на чемъ. Къ тому же и столовая походила на засѣданіе конгресса, а слуги—на дипломатовъ. Все это охлаждало и аппетитъ, и воображеніе Чехова.

Какъ-то прогуливаясь съ нимъ по Одессѣ, я сказалъ, что около Александровскаго сада есть небольшая кухмистерская, содержимая нѣкоей хохлушкой Ольгой Ивановной, и что мнѣ приходилось тамъ превкусно ѣсть малороссійскія блюда.

Чеховъ остановился.

— И настоящій малороссійскій борщъ у нея бываетъ?—спросилъ онъ.

— Почти всегда.

— Съ бараниной и помидорами?

— Ну, разумѣется, со всѣми онерами.

— Ыдемъ къ благодѣтельницамъ Ольгѣ Ивановнѣ,—сказалъ Чеховъ съ оживленіемъ.

Разстояніе было изрядное. И я предупредилъ Чехова, что помѣщеніе, занимаемое кухмистерской, строго говоря, оставляетъ желать многого. Но Чеховъ былъ все время игриво-веселъ. Перспектива малороссійскаго борща съ помидорами вызывала въ немъ таганрогскія впечатлѣнія, о которыхъ онъ всегда любилъ поговорить.

Въ кухмистерской обѣдальщиковъ уже не было, и

Чеховъ, вообще всегда тяготившійся публикой, былъ очень доволенъ этимъ обстоятельствомъ и нашелъ небольшую полутемную комнатку кухмистерской отличнѣмъ помѣщеніемъ. Черезъ минуту на столѣ появился такъ-называемый домашній пшеничный хлѣбъ, красный стручковатый перецъ, а въ воздухѣ распространился, наконецъ, знакомый аппетитный запахъ малороссійскаго борща. Передъ нами стояла полная чашка съ красноватой и горячѣй, какъ огонь, жидкостью. Чеховъ совсѣмъ разошелся и на время превратился въ прежняго Антошу Чехонте безъ всякихъ тучекъ на лицѣ. Заговорили опять объ искусствѣ. Рѣчь коснулась театра и чеховскихъ пьесъ.

— Въ эти дѣла я, братъ, попалъ фуксомъ,—сказалъ Чеховъ.—Театръ совсѣмъ не мое дѣло. Я въ немъ ничего не понимаю и терпѣть не могу театральнаго міра.

— Почему же ты написалъ «Иванова» и, говорятъ, еще пишешь какую-то пьесу?—спросилъ я.

— Это вздоръ говорятъ. А съ «Ивановымъ» у меня вышло такъ. Какъ-то былъ я въ театрѣ Корша. Шла новая пьеса. Вычурная, препротивная. Ни складу, понимаешь, ни ладу. Я и началъ, что называется, разносить пьесу. А Коршъ ехидно и говорить: «А вотъ вы вмѣсто того, чтобы критиковать, лучше взяли бы да сами написали пьесу». Я говорю: «хорошо, и напишу». Такъ и произошелъ «Ивановъ».

— И долго ты работалъ надъ нимъ?

— Не особенно. Недѣли двѣ съ чѣмъ-то. Да и не стоитъ братъ, писать большихъ пьесъ. То ли дѣло водевилъ. Посидѣлъ вечеръ и готово.

— Неужели ты «Медвѣдя» написалъ въ одинъ вечеръ?

— Въ одинъ. А знаешь, сколько мнѣ даетъ «Медвѣдь» каждый годъ?

И Чеховъ сказалъ какую-то сумму, которую я теперь забылъ.

Помолчавши, онъ добавилъ баскомъ:

— Брось писать стихи. Пиши водевили.

— Водевили тоже бываютъ въ стихахъ,—сказалъ я.

— Нѣтъ, не нужно въ стихахъ,—сказаль Чеховъ въ видѣ просьбы.—Я прямо, понимаешь, боюсь стиховъ только и могу читать Пушкина.

Послѣ этого мы не разъ мѣняли съ Чеховымъ роскошные обѣды «Сѣверной гостиницы» на скромные 30-тикопеечныя обѣды у Ольги Ивановны.

Послѣ недѣльнаго пребыванія въ Одессѣ Чеховъ замѣтно сталъ тяготиться и гостинично-театральной жизнью, и поздними ужинами въ залитой электричествомъ столовой. Однажды мы съ Чеховымъ получили приглашеніе отъ артистки К. Каратыгиной, которая жила подъ самой крышей и у которой собиралась молодежь Малаго театра. Небольшая комната съ низкимъ потолкомъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прихода наполнилась оживленнымъ разговоромъ и шутками. Чехову очень понравилось это чаепитіе и постепенно наши бельэтажныя чаепитія начали переноситься въ скромное помѣщеніе «нашихъ меньшихъ братьевъ», какъ въ шутку говорилъ Чеховъ. Чаепитія эти скоро приняли кличку: чая съ діалогами Антонія и Клеопатры (Чеховъ и г-жа Каратыгина). Иногда Чеховъ предлагаль мнѣ:

— А давай, опять кутнемъ!

Я охотно соглашался. Это означало, что мы шли въ таинственный подземный погребокъ, открытый Чеховымъ, гдѣ покупали отличное цѣльное вино, затѣмъ набирали въ фруктовыхъ лавкахъ всякой всячины и поднимались «къ нашимъ меньшимъ братьямъ». Какъ теперь вижу Чехова съ бутылками подъ мышкой въ фруктовой лавкѣ, втягивающаго нѣжный запахъ свѣжихъ орѣховъ, грушъ, персиковъ.

— А чего бы еще взять?—спрашиваль онъ, скользя взглядомъ по пирамидамъ разложенныхъ фруктъ.—Какъ ты думаешь?

— Рахатъ-лукума развѣ?

— Рахатъ-лукума?! Это—идея. Дайте намъ рахатъ-лукума. Только настоящаго—греческаго, съ орѣхами.

— А ты знаешь, сколько мы уже истратили?—спра-

шиваль я, чтобъ озадачить Чехова сдѣланными расходами.

— Сколько?

— Болѣе 2-хъ рублей.

— Ну, что-жь, братъ, дѣлать? Разоряться на женщинъ, такъ ужъ разоряться,—говорилъ Чеховъ и покупалъ еще что-нибудь. Нагрузивъ себя пакетами и коробками, мы, запыхавшись, подымались на четвертый этажъ, и оживленные, какъ школьники, стучались въ знакомыя двери.

Эти чаепитія подь крышей иногда превращали Чехова въ прежняго Антошу Чехонте. Но въ общемъ одесская жизнь, все-таки, начала томить его, хотя при возбужденіи объ этомъ вопроса, онъ всякій разъ отпѣкивался и благодарилъ, что его выписали, иначе-де онъ не зналъ бы, что и дѣлать съ собою. Вѣроятно, Чехова угнетала еще и наступившая въ Одессѣ почти тропическая жара съ душными безвѣтренными днями, когда дышать было нечѣмъ, и всякій, кто могъ, прятался въ темной комнатѣ. Пробовали мы ѣздить съ Чеховымъ за городъ, на Фонтаны. Но нигдѣ не было спасенія отъ жары. Одна только прогулка, кажется, доставила Чехову большое удовольствіе.

Въ то время въ Одессѣ жилъ нѣкій В. К. Цыбульскій, преоригинальнѣйшій субъектъ. Составивъ игрой миллионное состояніе, онъ жилъ анахоретомъ, увлекался гонкой на яхтѣ, владѣлъ лучшей яхтой и любилъ принимать гостей на яхтѣ. Спасаясь отъ невыносимой одесской жары, я проводилъ иногда цѣлые дни на его яхтѣ. И вотъ мнѣ пришла мысль познакомить его съ Чеховымъ и московскими артистами. Цыбульскій пригласилъ всѣхъ на яхту и угостилъ насъ прелестной прогулкой. Полулежа на слегка-накренившейся палубѣ среди всякихъ закусокъ и прохладительныхъ напитковъ, мы любовались зеркальнымъ моремъ и лебединымъ движеніемъ яхты съ ея легкими извивами. Цыбульскій былъ истый мастеръ парусного искусства и управлялъ яхтой, какъ послушной лошадыю. Къ довершенію удовольствія,

выйдя въ море, мы значительно освѣжились, выкупавшись въ чистой прозрачной водѣ, при чемъ выдумали своеобразное развлеченіе: придерживаясь за веревку, пянулись за яхтой, лежа на водѣ. Кто не испыталъ этого, тотъ не испыталъ большого удовольствія.

На Чехова морская прогулка произвела опьяняющее впечатлѣніе. И непонятно, какъ онъ не вплетъ ее ни въ одно изъ своихъ произведеній.

Однажды вечеромъ я зашелъ, какъ мы условились, за Чеховымъ, чтобы итти вмѣстѣ въ театръ. Чеховъ былъ въ изнеможеніи отъ мучительно-жаркаго дня.

— Опять въ театръ! А потомъ *опять* надо ужинать! — проговорилъ онъ усталымъ голосомъ.

Ясно было, что Чеховъ сытъ Одессой. Начали перебирать интересныя мѣста на бѣломъ свѣтѣ. Тутъ передо мною впервые съ яркостью освѣтилась одна грань чеховскаго существа. Онъ былъ одинокъ. У него было много друзей. Но онъ не былъ ничѣмъ другомъ. Его въ сущности ни къ кому не притягивало до забвенія своего я.

А. А. Суворинъ предлагалъ Чехову ѣхать вмѣстѣ въ Италію, А. Плещеевъ соблазнялъ Греціей. Но Чехова не влекло ни къ А. Суворину, ни къ Плещееву, ни въ Италію, ни въ Грецію. Онъ, точно Соломонъ, царь израильскій, достигъ уже всю призрачность земныхъ привязанностей и тщету всѣхъ желаній. Все ни къ чему. Все суета и томленіе духа.

Между тѣмъ, въ тотъ періодъ, можно сказать почти навѣрное, въ Чеховѣ томился и бунтовалъ продуктивный художникъ, слонявшійся безъ дѣла и неприспособленный наслѣдственнымъ подборомъ къ продолжительному бездѣльничанью. Заговорили о Ялтѣ. Въ Ялтѣ тихо, хорошо. Можно удить рыбу и мечтать. Можно уединяться и работать. Чеховъ началъ соблазняться Ялтой и рѣшилъ ѣхать туда. Но когда однажды вечеромъ онъ заявилъ за кулисами о своемъ отъѣздѣ, тамъ поднялась цѣлая буря протестовъ. Чехова окружили и малые, и большіе артисты и съ такой горячностью на-

чали выражать Чехову свои чувства, что онъ не выдержалъ разумѣется, и остался.

Прошло еще дней 5—6. Чеховъ уѣхалъ въ Ялту. Его провожалъ цѣлый цвѣтникъ шляпъ, зонтиковъ и развѣвающихся платковъ. Чеховъ тоже махалъ съ палубы шляпой и шутливымъ баскомъ перебрасывался прощальными привѣтствіями. Но отъ его лица не вѣяло ни осенью разлуки, ни весною свиданія.

Въ Ялту я пріѣхалъ только черезъ недѣлю и засталъ Чехова еще болѣе ушедшимъ отъ всѣхъ, хотя вокругъ него уже успѣлъ образоваться налетъ почитателей и почитательницъ. Но Чеховъ замѣтно томился жизнью богемы и внутренне все больше и больше съезживался. Имъ завладѣлъ художникъ и сталъ, наконецъ, привинчивать его къ столу надъ начатой имъ меланхолической «Скучной исторіей».

Сколько онъ пробылъ въ тотъ періодъ въ Ялтѣ, не знаю. Я въ скорости уѣхалъ къ себѣ, въ Екатеринославскую губернію.

Передъ моимъ отъѣздомъ на пароходѣ на Чехова опять нашла волна прежней юношеской веселости. И передо мною въ послѣдній разъ промелькнулъ милый Антоша Чехонте. Послѣ этого я никогда ужъ не видѣлъ Чехова совершенно безоблачнымъ и беззаботно веселящимся.

Даже и послѣ перваго пароходнаго гудка, когда наступилъ томительно длиннѣйшій промежутокъ, Антоша Чехонте началъ уже постепенно меркнуть и, задумчиво оглядывая синѣющіе выступы горъ, тихо перебирать волоски усовъ. Въ памяти у меня осталось одно замѣчаніе Чехова. Когда я сказалъ ему, что, вѣроятно, Ялта дастъ ему новыя краски для его работы, Чеховъ возразилъ:

— Я не могу описывать переживаемаго мною. Я долженъ отойти отъ впечатлѣнія, чтобы изобразить его.

Признаніе, какъ видите, совершенно опровергающее выраженное однимъ критикомъ мнѣніе, что будто у Чехова былъ хорошій фотографическій аппаратъ въ головѣ и больше ничего. И потому-де, что промелькнетъ передъ

его аппаратомъ, то только и запечатлѣвалось на его свѣто-чувствительной пластинкѣ. Нечего и говорить, что это опредѣленіе меньше всего подходитъ къ Чехову.

Послѣ Ялты я не видѣлъ Чехова около 3-хъ лѣтъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ Чеховъ былъ увлеченъ хозяйствомъ. Онъ приобрѣлъ имѣніе въ Серпуховскомъ уѣздѣ и жилъ въ деревнѣ. Въ это время онъ совсѣмъ разошелся съ «Новымъ Временемъ» и завязалъ очень близкія отношенія съ редакціей «Русской Мысли». Въ этотъ періодъ и мнѣ приходилось бывать въ редакціи «Русской Мысли», гдѣ печатались нѣкоторыя мои вещицы, и встрѣчаться съ Чеховымъ.

Бывая наѣздами въ Москвѣ, онъ не участвовалъ въ механизмѣ общественной жизни, а проводилъ преимущественно праздно время, какъ пріѣзжій гость, обреченный на всѣ комбинаціи московскаго гостепріимства. Въ концѣ концовъ, это утомляло болѣе, нежели усиленная работа, поэтическую природу Чехова, жаждавшую нѣжныхъ, благоуханныхъ впечатлѣній...

IV.

Съ письмами очень трудно связывать смерть писавшаго. Иныя слова кажутся еще не высохшими, и надъ ними точно слышится дыханіе писавшаго. И кажется, что слышишь его интонацію своеобразное произношеніе нѣкоторыхъ словъ... А образъ усопшаго такъ и стоитъ передъ духовными очами. И хочется зафиксировать впечатлѣніе, схватывая самое главное и яркое.

Что же было главное и яркое въ Чеховѣ? Что составляло сердцевину его личности и было въ немъ органическимъ, а что только временнымъ и отпадающимъ, какъ листья на деревѣ?

Припоминая теперь наиболѣе типическое въ Чеховѣ, память моя постоянно останавливается на его улыбкѣ, на его милой, юмористической улыбкѣ—этомъ развѣвающимся флагѣ надъ живою душою человѣка. Почти

постоянно скользящая улыбка на губахъ Чехова была наиболѣе яркой примѣтой его личности. И кто хотѣлъ бы написать хорошій портретъ Чехова, минуя его характерную улыбку, тотъ не написалъ бы хорошаго портрета Чехова.

Аристотель говорить, что, кто желаетъ познать истинную природу существа, тотъ долженъ изучить ее не въ контурахъ, не въ перемежающихся, случайныхъ явленіяхъ, а въ ея наисовершеннѣйшемъ развитіи, въ ея наивысшей красотѣ, потому что природа существа не въ томъ или иномъ моментѣ ея развитія, а въ цѣли, къ которой она стремится.

Это правило Аристотеля можно примѣнить и къ изученію природы чеховскаго существа, которая наиболѣе полно и ярко выражалась въ чеховской юмористической улыбкѣ, потому что юморъ былъ чеховской стихіей, его конькомъ и его силою. И кто будетъ смотрѣть на Чехова только какъ на пѣвца какой-то смутной тоски, тотъ будетъ, мнѣ кажется, смотрѣть на Чехова только съ одной стороны, случайно затѣненной недугомъ и отрицательными явленіями русской современной жизни, или вѣрнѣе: отрицательными явленіями нѣкоторыхъ слоевъ современнаго общества, среди которыхъ Чехову приходилось наиболѣе вращаться. Но по своей природѣ и по характеру своего дарованія, Чеховъ былъ истиннымъ представителемъ русскаго народнаго юмора.

И большую близорукость проявляютъ тѣ читатели, которые въ Антонѣ Чеховѣ не видятъ прелестнаго Антошу Чехонте, то-есть подъ чеховскими мотивами подразумѣваютъ преимущественно меланхолическіе мотивы его послѣднихъ лѣтъ, выключая изъ Чехова его яркіе и свѣжіе, какъ весеннее утро, юмористическіе очерки, которые можно читать 7 разъ въ недѣлю и 14 разъ смѣяться.

А шутка ли сказать? Въ наше пасмурное время заставить пасмурныхъ людей смѣяться въ теченіе цѣлаго вечера хорошимъ, свѣжимъ, обновляющимъ смѣхомъ!.. Вѣдь это все равно, что внести въ затхлую и заплѣснѣв-

шую мелкими интересами атмосферу освѣжающія струи духовнаго озона. Но даже и въ послѣднихъ, въ меланхолическихъ чеховскихъ произведеніяхъ чуткое ухо то и дѣло уловить соловьиные звуки плѣнительнаго чеховскаго юмора.

Юморъ былъ душою Чехова.

V.

Съ тоскою перечитываю чеховскія письма, написанныя крючковато-мелкимъ почеркомъ, съ короткими отрывистыми фразами, и по ассоціаціи идей невольно вспоминаю поводы писемъ, встрѣчи съ Чеховымъ, его замѣчанія и его неизсякаемыя милыя шутки даже тогда, когда ихъ меньше всего, бывало, ожидаешь. Такъ: принимая участіе въ составленіи договора между А. Ф. Марксомъ и Чеховымъ, я, имѣя въ виду интересы Чехова на случай продолжительности его жизни, предложилъ вставить въ договоръ пунктъ, по которому гонораръ за новыя произведенія Чехова увеличились бы прогрессивно. А. Ф. Марксъ тотчасъ-же выразилъ согласіе, чтобы Чеховъ кромѣ полистнаго гонорара получалъ еще прогрессирующую плату, увеличивающуюся черезъ каждыя 5 лѣтъ на 200 р. Все было готово для подписанія договора, и ждали только разрѣшительнаго отвѣта отъ Чехова. Наконецъ былъ полученъ и отвѣтъ. Чеховъ и тутъ не удержался отъ шутки и телеграфировалъ:

«Согласенъ. Даю слово не жить болѣе восьмидесяти лѣтъ».

Къ юмористическимъ выходкамъ Чеховъ былъ склоненъ даже въ такіе періоды, когда туберкулезный процессъ въ Чеховѣ какъ бы набрасывалъ трауръ на лицо милаго писателя, и онъ казался потухшимъ и опустошеннымъ. Особенно мрачную роль играло въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, докторство Чехова. Онъ діагностировалъ себя, подсматривалъ за процессомъ своей болѣзни, комбинировалъ лѣкарства и какъ бы прислуши-

вался къ дыханію вампира, сосавшаго его кровь. И лица, любившія Чехова (а его всѣ любили, съ кѣмъ онъ входилъ въ общеніе), обыкновенно не подчеркивали въ такое время тучь, набѣгавшихъ на лицо Чехова, а дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ. И вдругъ бывало, сквозь тучи неожиданно прорѣзывался лучъ чеховской шутки.

Лѣтомъ 1894 г. довольно большая компанія разгуливала въ подмосковномъ дачномъ паркѣ около Мазилковки. Если не ошибаюсь, компанію составляли: А. П. Чеховъ, В. А. Гиляровский, М. А. Саблинъ, И. Н. Потапенко и др. Чеховъ былъ центральнѣйшей фигурой и числился между нами подъ именемъ «Авелана». Въ этотъ періодъ наша эскадра съ адмираломъ Авеланамъ чувствовалась во Франціи, и на одной вечеринкѣ за Чеховымъ такъ ухаживали, что кто-то въ шутку сравнилъ его съ ад. Авеланомъ. Чеховъ весело подхватилъ шутку и съ комической серьезностью поддерживалъ въ теченіе извѣстнаго періода адмиральское амплуа.

«Скажите: Авеланъ желаетъ видѣть», «Скажите: кланялся Авеланъ» и т. п.

Прогуливаясь въ Мазилковкѣ, мы попали въ мѣстность, гдѣ была публика. Встрѣтились знакомые. Компанія разбилась на группы. «На Чехова набѣжала тучка. Онъ шелъ, молча, меланхолически перебирая усы. Я съ кѣмъ-то шелъ впереди Чехова. Вдругъ въ самой гущѣ публики слышу сзади окрикъ Чехова:

— Господинъ Говоруха-Отрокъ! Господинъ Говоруха-Отрокъ!

Я оглянулся. Чеховъ съ пресерьезнымъ лицомъ дѣлалъ мнѣ привѣтственные знаки. Нѣкоторые изъ публики остановились и съ любопытствомъ оглядывали меня, очевидно принимая меня за Говоруха-Отрока, тогдашняго критика «Московскихъ Вѣдомостей». Я смутился отъ устремленныхъ на меня взоровъ и, вѣроятно, имѣлъ пресмѣшной видъ, потому что, глядя на меня, иные смѣялись.

Веселый духъ Чехова, его чисто-народный шуточный въ интимномъ кружкѣ не оставляли Чехова и въ самые тяжелые для него періоды жизни. Даже въ последнее время, когда проклятый недугъ замѣтно уже совершалъ надъ милымъ Чеховымъ свою разрушительную работу, Чеховъ, все-таки, не могъ иногда не поддаваться потребности шутки.

Весной текущаго года во время нашей бесѣды съ Чеховымъ, которую онъ велъ съ серьезнымъ сосредоточеннымъ лицомъ, въ комнату вошло лицо, близкое Чехову, и, выждавъ паузу, заявило, что одна госпожа обращается къ Чехову съ предложеніемъ познакомиться съ ея произведеніемъ, и что ей отвѣтить? У меня въ умѣ такъ и мелькнула чеховская «Драма», въ которой писатель схватываетъ прессъ-папье и убиваетъ мучительницу-драматургшу. Чеховъ, не спуская ласковаго взгляда съ милаго лица и продолжая нашу бесѣду, тихо выдвинулъ изъ-подъ стола руку, сдѣлалъ, что называется, комбинацію изъ трехъ пальцевъ и опять тихо спряталъ руку. И опять невозможно передать словами весь комизмъ этой школьнической выходки.

Но нигдѣ такъ не обнаруживался Чеховъ съ своимъ сверкающимъ юморомъ и весельемъ, какъ въ его письмахъ. Чеховскія письма—это своего рода брызжущіе свѣтящіеся фонтаны. И кромѣ Пушкина, я не знаю другого писателя, письма котораго были такъ колоритны, такъ интересны и написаны въ такой блестящей сжатой формѣ. Въ рѣдкомъ чеховскомъ письмѣ не разсыпаны настоящіе, искрометные брильянты юмора. Тутъ Чеховъ весь, настоящій, съ его чисто-народной теплотою чувства, поэзіей и свѣжестью мысли. Особенно прелестны чеховскія открытки. Онъ любилъ писать на открытыхъ письмахъ съ вертикальнымъ текстомъ. Владѣя мелкимъ убористымъ почеркомъ и необыкновеннымъ по яркости лаконизма слогомъ, Чеховъ могъ набросать на обыкновенной открыткѣ цѣлую серію оригинальныхъ мыслей, цѣлый рядъ поэтическихъ картинъ въ его чеховскихъ изящныхъ акварельныхъ тонахъ. И большая публика

узнаеть настоящаго Чехова только по выходѣ въ свѣтъ чеховскихъ писемъ. И передъ многими сразу тогда разсѣется искусственный образъ Чехова, какъ какого-то хныкальщика, созданный поистинѣ суздальской фантазіей.

Жизненный родникъ неизсякаемо бился въ Чеховѣ всегда съ такой силою, что даже въ зрѣлые свои годы Чеховъ не могъ отдаваться иногда чисто-школьническимъ выходкамъ. И то писалъ на адресованныхъ конвертахъ какіе-нибудь курьезные эпитеты, въ родѣ «доктора философіи», «эсквайра» и проч., то подписывался различными «громкими» именами, въ родѣ «Генриха Блока» и др. Вотъ передо мною на бланкѣ журнала «Сѣверъ» одна изъ такихъ шутокъ Чехова.

«Милостисдарь! Гонораръ будетъ высланъ вамъ не раньше, какъ онъ будетъ подсчитанъ. Въ настоящее время въ редакціи нѣтъ ни нумера, ни гранокъ.

Съ почтеніемъ *Нетихоновъ*.

Письмо было написано разгонистымъ и какъ-будто знакомымъ почеркомъ, но чѣмъ, я не могъ понять. Но главное: я не могъ понять ни формы, ни тона присланнаго письма. И только черезъ значительное время, будучи въ Петербургѣ, я узналъ отъ В. А. Тихонова, что таинственное письмо было написано мнѣ Чеховымъ, который находился въ редакціи «Сѣвера», когда В. А. Тихоновъ собирался писать мнѣ.

Вотъ еще чеховская открытка, поставившая нѣкогда меня въ недоумѣніе своимъ содержаніемъ:

«Милостивый государь П. А. Не откажите сообщить въ возможно непродолжительномъ времени, какого вы мнѣнія о тѣхъ юныхъ (мнѣ тогда было за 40 лѣтъ), впервые издающихся писателяхъ, которые не посылають своихъ книгъ съ почтительными надписями лицамъ, занимающимъ видное положеніе въ литературѣ? Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и кстати сообщить, что у насъ уже открыто

почтовое отдѣленіе, и адресъ теперь такой: «Лопасня»
Московской губ.

Съ почтеніемъ *Бокль*.

И сколько у каждаго, кто близко зналъ Чехова, накопится такихъ и подобныхъ чеховскихъ шутокъ, отличающихъ всегда въ человѣкѣ присутствіе неизсякаемаго источника жизни.

✓ VI.

Мнѣніе о Чеховѣ, какъ о пессимистѣ, образовалось, вѣроятно, на фонѣ послѣднихъ произведеній Чехова, на которыя падала мрачная тѣнь подтачивающей его болѣзни. Но этотъ червь былъ явленіемъ случайнымъ въ Чеховѣ. Духовное же существо его не только не было изъѣдено, а отличалось необыкновенной свѣжестью и жизнеспособностью.

И этого никакъ нельзя упускать изъ виду при опредѣленіи чеховской личности, потому что Чеховъ, какъ симптоматическое явленіе, значительнѣе даже, чѣмъ само явленіе Чехова.

Когда уляжется уличная пыль, поднятая паденіемъ громады, какъ Чеховъ, и эта замѣчательная личность освѣтится со всѣхъ сторонъ яркимъ, немерцающимъ свѣтомъ правды, тогда ни для кого, вѣроятно, уже не будетъ парадой, что такое являлъ собою Чеховъ, а станетъ очевиднымъ, что Чеховъ по своей духовной структурѣ никогда не былъ и въ отдаленнѣйшемъ родствѣ съ его никудышними героями и никчемными героинями. Чеховъ всегда зналъ, куда онъ шелъ, чего хотѣлъ и какія монеты были въ его рукахъ.

Это былъ не шатунъ, не краснобай, не нытикъ, а являлъ собою чисто крестьянскую русскую, корневую натуру. И въ то самое время, когда мы, всѣ его товарищи, разползшіеся, какъ слѣпые щенки, по Россіи, все еще путались, пыжились, спотыкались и пресерьезно разсуждали въ 30 лѣтъ о выработкѣ міросозерцанія и

правильнаго курса въ жизни, Чеховъ уже былъ вполнѣ опредѣлившейся личностью—съ чувствомъ мѣры, съ чувствомъ такта—и дальше только крѣпѣ и отстаивался въ своей формаци. Это раннее оформиrowаніе чеховской личности нѣкоторые принимали въ дни его молодости за сухость сердца и ограниченность ума, а его ярко-художественную натуру съ своей собственной орбитой жизни за отсутствіе въ немъ свойствъ гражданина. Вокругъ него по редакціямъ кипѣли журнальные споры, закладывались редакціонныя мины и контрмины, а онъ, покручивая бородку, рассказывалъ веселымъ баскомъ какой-нибудь «еще одинъ случай». Свежая, южная, жизнерадостная, артистическая натура, впитавшая въ себя душистые соки степей и вишневыхъ садовъ, казалась чуждой многимъ москвичамъ, кипѣвшимъ постоянно въ раздутомъ жару принципиальныхъ споровъ.

Но Чеховъ не потому не принималъ участія въ горячихъ преніяхъ, что не достигалъ до вершинъ пониманія общественныхъ вопросовъ, а потому, что шелъ своей особенной самостоятельной дорогой, какъ И. Гончаровъ на «Фрегатѣ Палладѣ», который, хотя и былъ механически связанъ съ командой судна, но выполнялъ свою специальную миссію, не уступающую по важности миссіи команды «Фрегата Паллады».

VII.

Умѣстно, можетъ-быть, будетъ коснуться и другихъ легендъ, образовавшихся вокругъ имени Чехова и затемняющихъ его ясный образъ.

Легенда № 1-й.

А. С. Суворинъ «создалъ» изъ невѣдомаго Антоши Чехонте громкое имя Антона Чехова, начавши печатать его очерки въ «Новомъ Времени».

Легенда № 2-й.

«Новое Время» «дискредитировало» имя Чехова, от-

толкнувъ отъ него, какъ отъ нововременца, лучшую часть русскаго общества.

Остановимся пока хоть на этихъ двухъ легендахъ. Цѣннаго въ нихъ только одно—несомнѣнная забота о Чеховѣ. Остальное все, какъ говорить гр. Алексѣй Толстой:

„не нужныхъ думъ бесплодное броженье“.

Начать съ того, что «создавать имя» такому писателю, какъ Чеховъ, алмазное дарованіе котораго можетъ служить украшеніемъ любого журнала во всякой странѣ,—создавать имя такому писателю могъ только одинъ человекъ въ Россіи, это—Антонъ Павловичъ Чеховъ. И, разумѣется, не Чеховъ долженъ благодарить А. С. Суворина за то, что послѣдній печаталъ чеховскіе очерки въ «Новомъ Времени», а какъ разъ наоборотъ: А. С. Суворинъ долженъ благодарить Чехова за то, что тотъ украшалъ страницы «Новаго Времени» своими прелестными рассказами.

Но, съ другой стороны, легендарно и утвержденіе, что будто «Новое Время» повредило Чехову, дискредитировавъ его въ глазахъ лучшей части русскаго общества. Нагляднымъ опроверженіемъ этой легенды можетъ служить распространенность чеховскихъ произведеній, когда онъ работалъ еще преимущественно въ «Новомъ Времени». А какъ къ Чехову относилась, какъ къ писателю, та часть общества, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать худшей частью, можетъ служить слѣдующій эпизодъ.

Во время пребыванія Чехова въ Одессѣ въ 1889 г. какъ-то вечеромъ мы зашли съ нимъ къ извѣстному въ Одессѣ «Николаю». Это въ своемъ родѣ историческое учрежденіе, въ родѣ ауэрбаховскаго кабачка, съ низкимъ потолкомъ, съ студентами, съ сизымъ туманомъ табачнаго дыма и проч. За 30—40 коп. въ этомъ пристанищѣ, пріютившемся на заднемъ дворѣ одного большого дома, можно поужинать, выпить кружку хорошаго пива и вволю надышаться табачнымъ дымомъ.

Войдя въ ресторанъ, мы съ трудомъ добыли себѣ

мѣста. Кругомъ стоялъ шумъ, не поддающійся описанію, потому что громко бесѣдовали на разныхъ языкахъ, и въ общемъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто возлѣ насъ засѣдали строители Вавилонской башни послѣ смѣшенія языковъ. Но Чехову все это очень понравилось. Онъ даже пожалѣлъ, что въ Москвѣ нѣтъ ничего подобнаго. Вдругъ изъ отдаленнаго угла послышался голосъ, назвавшій меня, а черезъ нѣсколько секундъ, лавируя между стульями, показалась и знакомая малорослая фігура одесскаго литератора Сычевскаго. Я немного заволновался. По одному поводу мы съ Сычевскимъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, что называется, «не разговаривали». Я страдалъ отъ этой размолвки, потому что случившееся недоразумѣніе лишило меня общенія съ уважаемымъ талантливымъ товарищемъ и чуть ли не съ самымъ интереснымъ человѣкомъ въ одесской прессѣ. Имя Сычевскаго неизвѣстно большой русской публикѣ и кануло навсегда въ пропасть забвенія. Но это была крупная литературная сила и свѣтлая общественная личность. Сычевскій могъ занять почетное мѣсто во всякой редакціи, еслибъ не нѣкоторыя и зависящія, и такъ-называемыя независящія причины. Но и то, что сдѣлалъ Сычевскій въ свѣтлые промежутки своей жизни, какъ литераторъ, очень значительно. На немъ, на его критическихъ очеркахъ, написанныхъ всегда съ критическимъ чутьемъ, съ блескомъ и остротой мысли, хорошимъ облагораживающимъ тономъ, воспиталось цѣлое поколѣніе.

Въ тѣ дни, о которыхъ идетъ рѣчь, Сычевскій, подъ вліяніемъ жизненныхъ обстоятельствъ, уже заканчивалъ свою литературную карьеру. Но все еще это былъ настоящій благородный воинъ на литературной аренѣ. Вотъ почему, хотя я и замѣтилъ, что Сычевскій былъ уже нѣсколько возбужденъ виномъ, но мнѣ, все-таки, было пріятно и видѣть его, и сознавать, что онъ идетъ ко мнѣ съ протянутой рукою.

Съ трудомъ протолкавшись своей малорослой плотной фігурой, Сычевскій издали громко заговорилъ :

— Очень радъ, что могу во всеуслышаніе признать себя неправымъ...

Я протянулъ руку Сычевскому и познакомилъ его съ Чеховымъ. Для Чехова имя Сычевскаго было искомъ. Но Сычевскій, услыхавъ фамилію Чехова, удержалъ его руку въ своей и, всматриваясь въ лицо, спросилъ:

— Антонъ Чеховъ?

— Антонъ Чеховъ,—проговорилъ въ смущеніи Чеховъ.

— Тогда позвольте поцѣловать васъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—забасилъ Чеховъ съ заигравшей улыбкой на лицѣ.

Они поцѣловались. Открытое апостольски-красивое лицо Сычевскаго съ большой сѣдой бородой было взволновано. Глаза влажно блестѣли. Онъ присѣлъ около насъ и, не спуская съ Чехова блестѣвшихъ глазъ, громко возгласилъ:

— Антонъ Чеховъ! Нѣтъ, лучше: Антоша Чехонте! Какъ я радъ, что могу пожать руку Антоши Чехонте. Если-бъ вы знали, сколько я вамъ обязанъ лучшими минутами моей безтолковой жизни—минутами чистаго смѣха. «Драма», «Злоумышленникъ», а «Смерть чиновника»! Вы знаете, я столько разъ читалъ «Смерть чиновника», что знаю ее почти на память. Это удивительная вещь, въ чисто-русскомъ духѣ! Чихнулъ человекъ, и нѣтъ человекъ.

—...Я его обрызгалъ,—подумалъ Червяковъ.—Не мой начальникъ, чужой, но, все-таки, неловко. Извиниться надо,—сказалъ вдругъ Сычевскій, упавшимъ, тусклымъ съ хрипотцей голосомъ и затѣмъ продолжалъ своимъ басистымъ голосомъ:

— Червяковъ кашлянулъ, поддался туловищемъ впередъ и зашепталъ генералу на ухо...

Сычевскій показалъ, какъ это сдѣлалъ злополучный Червяковъ и замямлилъ голосомъ волнующагося чиновника:

— «Извините, ваше-ство. Я васъ обрызгалъ. Я нечаянно».—Ничего, ничего.—«Ради Бога извините, я

вѣдь не желалъ».—Ахъ, оставьте, пожалуйста! Дайте слушать.—Червяковъ сконфузился, глупо улыбнулся и началъ глядѣть на сцену. Глядѣлъ онъ, но уже *блаженства* не чувствовалъ...

И, все больше и больше увлекаясь, Сычевскій началъ передавать чеховскій рассказъ съ такими комическими подробностями, что мы сначала только ухмылялись, а потомъ начали хохотать до слезъ.

Читались уже въ этотъ періодъ рассказы Чехова и со сцены, и на литературныхъ вечерахъ, и во всевозможныхъ кружкахъ. И читались такими мастерами въ искусствѣ, какъ В. Давыдовъ, А. П. Ленскій, Свободинъ, Н. И. Новиковъ и другіе.

Такимъ образомъ Чеховъ уже и въ концѣ 80-хъ годовъ, т.-е. когда онъ печатался преимущественно въ «Новомъ Времени», не могъ пожаловаться на отсутствіе у него читателей и почитателей. А значить, и создавать обвиненія по адресу «Новаго Времени», что будто бы оно повредило Чехову и дискредитировало его въ глазахъ лучшей части русскаго общества, значить повторять предшествующую легенду, но только въ обратномъ видѣ.

VIII.

Такой же цѣнностью отличаются и другія легенды о Чеховѣ, рисующія его какимъ-то «недотепой», который якобы, подобно Исаву, продалъ драгоцѣнное право за чечевичную похлебку. Рисовать такъ Чехова съ практической стороны значить не знать ни Чехова, ни правды о Чеховѣ.

Отличаясь, подобно Гёте, изумительной поэтической организаціей, Чеховъ въ то же самое время, подобно Гёте, отличался и рѣдкимъ среди художниковъ практическимъ, хозяйскимъ, организаторскимъ умомъ. Не будь Чеховъ писателемъ, изъ него вышелъ бы выдающійся агрономъ, отличный архитекторъ, превосходный инженеръ. И кто зналъ, какъ Чеховъ еще въ юности,

обладая самыми скромными средствами, могъ, все-таки, прилично обставить свою жизнь, кто видѣлъ Чехова, какъ строителя и хозяина въ «Мелиховѣ», или въ Ялтѣ, тому ясно, разумѣется, что производить Чехова въ Исавы, это значитъ говорить о какомъ-то другомъ Чеховѣ, а не объ Антонѣ Павловичѣ. Антонъ Павловичъ никогда не былъ ни безпечнымъ, ни изворотливымъ Іаковомъ, а являлъ собою яркій для русскаго человѣка образецъ гармонической натуры.

Съ юныхъ лѣтъ познавшій лямку долга, Чеховъ, тѣмъ не менѣе, никогда не допускалъ себя быть игралищемъ матеріальныхъ обстоятельствъ. Въ немъ, какъ въ шекспировскомъ Гораціо, умъ съ сердцемъ были такъ хорошо смѣшаны, что онъ не служилъ «дудкою для счастья», «не издавалъ по прихоти его различныхъ звуковъ».

И въ то самое время, когда многіе товарищи Чехова, обладавшіе лучшими матеріальными средствами, чѣмъ онъ, постоянно корчили въ судорогахъ безденежья, обставляя и неприглядно, и неуютно свою жизнь, Чеховъ всегда и жилъ опрятно, и еще для другихъ дѣлалъ, что могъ.

Способствовалъ созданію легендъ, вѣроятно, самъ Чеховъ своей склонностью къ шуткамъ, въ родѣ, что «будь свободныя деньги, непременно пошелъ бы въ баню», или: «позвольте представиться—міроѣдъ изъ Мелихова» и т. п.

Такъ, напримѣръ, договоръ съ А. Ф. Марксомъ о продажѣ сочиненій былъ всесторонне обдуманъ и взвѣшенъ Чеховымъ, и допускать мысль, что для Чехова былъ неожиданностью успѣхъ его произведеній, это значитъ допускать мысль, что Чеховъ, продавая А. Ф. Марксу право на изданіе своихъ сочиненій, таилъ въ душѣ надежду, что увлекаетъ А. Ф. Маркса въ невыгодную сдѣлку, т.-е. прямо взводитъ поклепъ на Чехова. И неужели кто-нибудь можетъ допустить мысль, что Чеховъ предпочелъ бы, чтобы издатели разорились на изданіи его произведеній, а не наживались на нихъ?

Чеховъ съ юныхъ лѣтъ зналъ жизнь и понималъ людей. И, заключая договоръ съ А. Ф. Марксомъ, онъ рассчитывалъ именно на то, что и произошло, т.-е. А. Ф. Марксъ выпустилъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени послѣ договора полное, опрятно изданное собраніе сочиненій Чехова и аккуратно исполнилъ всѣ свои обязательства. И произошло все это слѣдующимъ образомъ.

IX.

Уже въ концѣ 90-хъ годовъ, съ переселеніемъ Чехова въ Ялту, вопросъ о его здоровьѣ для лицъ, близко знавшихъ Чехова, всегда вызывалъ тревогу. Быть-можетъ, это обстоятельство, т.-е. боязнь потерять безцѣннаго писателя и симпатичнаго человѣка еще болѣе притягивали къ Чехову сердца людей; но я не зналъ человѣка, который отказался бы сдѣлать для Чехова какую-нибудь услугу, особенно если она еще могла хоть косвенно повліять на улучшеніе его здоровья.

Въ началѣ 1899 г. дѣла Чехова были въ такомъ положеніи. Болѣзнь приковывала его къ Ялтѣ, гдѣ онъ жилъ квартирантомъ, испытывая всѣ неудобства квартирантскаго положенія. И онъ мечталъ о своемъ собственномъ уголкѣ, гдѣ могъ бы устроиться, согласно своимъ потребностямъ. Но на пути къ этому стояли независимыя обстоятельства. Денежныя дѣла Чехова не то, чтобы были запутаны, а не выяснены и не урегулированы. Онъ никогда не зналъ, сколько у него будетъ въ слѣдующемъ году, и не могъ реализовать своего дохода. Теперь даже не вѣрится, чтобы на Руси были еще архаическіе издатели, которые отказались бы приобрести такой алмазный рудникъ, какъ чеховскія произведенія, но тогда были таковыя.

Чеховъ не разъ дѣлалъ попытки привести въ ясность свои матеріальныя дѣла, т.-е. онъ ли въ долгу у издателей, или издатели ему должны. Но его попытки остались вотще передъ твердынями русской халатности. Это часто мутило корректнаго и обстоятельнаго Чехова.

И жажда жизни съ обеспеченными условіями для спокойной, вдумчивой работы все больше и больше овладѣвала Чеховымъ. Это состояніе хорошо знакомо всякому художнику, душа котораго рвется къ безсмертнымъ впечатлѣніямъ, а сложившіяся обстоятельства пригибаютъ ее къ землѣ, къ самымъ низинамъ жизни, истачивая поминутно неотразимыми пустяками, какъ моль платье.

И вотъ однажды, въ январѣ 1899 г., я получилъ отъ Чехова письмо, въ которомъ онъ писалъ о своихъ осложнившихся матеріальныхъ дѣлахъ и выражалъ, между прочимъ, желаніе продать свои сочиненія А. Ф. Марксу, съ которымъ у меня были тогда довольно частыя сношенія.

«Теперь насчетъ Маркса,—писалъ Антонъ Павловичъ:—я былъ бы очень не прочь продать ему мои сочиненія, даже очень—очень не прочь. Но какъ это сдѣлать? Безпокоить тебя мнѣ совѣстно, ибо ты занятой человѣкъ. Переговоры же съ Марксомъ заняли бы не мало времени... Кромѣ того, что издано, у меня есть въ столѣ матеріаль еще для четырехъ книгъ объема «Пестрыхъ разсказовъ»; я продамъ все, что есть, и, кромѣ того, все, что отыщу когда-либо въ старыхъ журналахъ и газетахъ и найду достойнымъ. Продамъ все, кромѣ дохода съ пьесъ. (Впослѣдствіи, когда составлялся договоръ, Чеховъ напиралъ на этотъ пунктъ, мотивируя его тѣмъ, что «водевиль есть вещь, а прочее все гниль»). Книги мои приносятъ мнѣ ежегодно болѣе 3¹/₂ тысячъ. До сихъ поръ это дѣло я велъ неряшливо, книжки издавались и продавались небрежно; при хорошемъ же веденіи дѣла «Каштанка» дала бы не мѣнѣе тысячи въ годъ. Три съ половиною тысячи—это цифра, взятая по совѣсти за всѣ прошлые годы, начиная съ 1887 года; на самомъ же дѣлѣ онъ гораздо больше, ибо доходъ все растетъ и растетъ. И прошлый годъ, на примѣръ, принесъ мнѣ около 8 тысячъ. Это небывало урожайный для меня годъ. Если тебѣ охота, то потолкуй съ Марксомъ. Мнѣ и продать хочется, и упорядочить дѣло давно уже пора. А то становится не-

стерпимо. Въ случаѣ, если будешь говорить съ Марксомъ, то телеграфируй: «Ялта—Чехову», конечно, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше».

Нечего и говорить, что у меня явилась «охота» исполнить просьбу Чехова. И въ первый же мой приѣздъ въ Петербургъ я началъ зондировать издательскую почву, въ концѣ концовъ остановившись на А. Ф. Марксѣ, какъ того желалъ и Чеховъ. Очевидно, онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ А. Ф. Марксомъ, не только какъ съ наиболѣе тароватымъ издателемъ, но и какъ наиболѣе предприимчивымъ человѣкомъ, могущимъ въ скоромъ времени выпустить въ свѣтъ прилично изданное полное собраніе сочиненій Чехова. Что при договорѣ съ А. Ф. Марксомъ эта сторона имѣла для Чехова важное значеніе,—въ этомъ я не сомнѣваюсь.

«Пославши деньги (писалъ мнѣ Чеховъ въ февралѣ 1899 г., когда договоръ съ А. Ф. Марксомъ былъ подписанъ, и у меня было на рукахъ 20.000 р. чеховскихъ денегъ), тоже телеграфируй, а затѣмъ можешь почить на лаврахъ вѣчной моей благодарности. Искренно тебѣ скажу, въ этой продажѣ не столь важны для меня 75.000 р., какъ то, что мои произведенія будутъ издаваться порядочно, что я буду избавленъ отъ обязанности выдумывать для каждой новой книжки названіе, выбирать форматъ книги, мириться съ плохой бумагой, мириться съ дурными слухами насчетъ «типографскихъ» экземпляровъ, продаваемыхъ на толкучкахъ въ провинціи. У меня теперь такое чувство, какъ будто святѣйшій синодъ прислалъ мнѣ наконецъ разводъ послѣ долгаго томительнаго ожиданія. Изъ Петербурга телеграфируй хоть на 10 рублей. Чѣмъ длиннѣй, тѣмъ лучше.

Твой Antonio»

Относительно суммы, за которую Чеховъ хотѣлъ бы продать свои права, онъ предоставилъ мнѣ дѣйствовать по моему разумѣнію. Но насколько я могъ судить по нѣкоторымъ фразамъ, онъ рассчитывалъ получить «тургеневскую плату», то-есть 60.000 р. Во время перегово-

воровъ для меня выяснилось, что первоначальный планъ надо измѣнить и обставить продажу чеховскихъ правъ такимъ образомъ, чтобы Чеховъ, кромѣ единовременнаго полученія извѣстной суммы, ограждающей его отъ острыхъ матеріальныхъ заботъ, могъ бы еще извлекать изъ договора и значительныя выгоды на случай продолжительности его жизни. Это соображеніе сдѣлалось для меня первостепеннымъ. Я былъ убѣжденъ, что Чеховъ при его благоразуміи и правильномъ образѣ жизни проживетъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ. Шутливая телеграмма Чехова подтверждаетъ, что и самъ Чеховъ держался такого же мнѣнія по этому поводу.

Наконецъ, было выработано слѣдующее условіе: 1) Чеховъ получалъ единовременно за напечатанныя произведенія 75.000 р. 2) Доходъ съ пьесъ оставался въ пользу Чехова,—и 3) о чемъ я уже упомянулъ выше, то-есть, за всякій листъ новаго произведенія Чеховъ, кромѣ гонорара, получалъ еще прогрессивно увеличивающуюся на 200 р. черезъ каждыя 5 лѣтъ полистную плату.

Помню, когда я наканунѣ подписанія контракта, боясь, какъ бы намъ не продешевить Чехова, сообщилъ одному журналисту—издателю, принимавшему повидимому горячее участіе въ судьбѣ Чехова, о выработанныхъ мною условіяхъ, то онъ горячимъ тономъ объявилъ, что надо спятить съ ума, чтобы согласиться на предлагаемая мною условія.

А. Ф. Марксъ, какъ извѣстно, не побоялся спятить съ ума и подписалъ вышеупомянутый договоръ.

Х.

Перечитываю чеховскія письма. По ассоціаціи идей отвлекаюсь въ сторону и забываю о смерти Чехова. Но взгляну на фотографію Чехова, и опять точно «вихорь черный», коснувшись смертельнаго *Анчара*, пронесется надо мною.

Фотографъ, снимавшій Чехова, очевидно, приложилъ всѣ усилія, чтобы изобразить Чехова поинтереснѣе. Но фотографу, все-таки, не удалось исказить ретушью черты чеховскаго лица и его характерной юмористической улыбки. Чеховъ снятъ на фотографіи во весь ростъ съ тросточкой въ рукѣ. На отдѣльной припискѣ къ фотографіи онъ пишетъ :

«Посылаю тебѣ ялтинскую фотографію, изображающую меня въ позѣ великаго князя Константина Павловича на старомъ портретѣ».

Всматриваюсь въ знакомыя черты, и сквозь сгущающійся туманъ въ глазахъ Чеховъ, какъ живой, выступаетъ передо мной.

Роковой недугъ и гнетущія условія русской жизни вплели темныя нити въ златотканый нарядъ его прелестной музы. Но кто зналъ его въ юности, тотъ пойметъ, какъ много потеряли мы въ Антошѣ Чехонте.

Антоша Чехонте!

Произнесите это имя въ присутствіи лицъ, знавшихъ Чехова въ молодости: А. В. Амфитеатрова, Вл. И. Немировича-Данченко, В. А. Гиляровскаго и др. И точно магическое слово произнесете передъ ними. Сразу просвѣтлѣютъ они, будто вы откроете передъ ними дверь изъ душной комнаты въ цвѣтущій садъ, обсыпанный алмазами утренней росы.

«Антоша Чехонте» всегда нравился и Антону Павловичу. И онъ любилъ въ веселыя минуты подписываться этимъ именемъ. И первые его, самые сладкіе успѣхи въ литературѣ связаны съ этимъ именемъ.

Кромѣ «Антоши Чехонте», у Чехова было множество другихъ псевдонимовъ; ему приходилось въ студенческіе годы писать въ разныхъ журналахъ и различнаго рода замѣтки. И тогда было не такъ, какъ теперь. Тогда подписываться своимъ полнымъ именемъ значило признавать свой трудъ серьезнымъ и косвенно какъ бы претендовать на безсмертіе. Чеховъ же слишкомъ былъ скромень, чтобы придавать своимъ юношескимъ работамъ серьезное значеніе. Къ тому-же онъ и самъ не могъ

припомнить всѣхъ своихъ псевдонимовъ и всѣхъ своихъ работъ. Будучи студентомъ, онъ писалъ очень много, «каждый вечеръ по очерку». Но таково ужъ свойство истиннаго таланта, что онъ даже и въ мимолетныхъ проявленіяхъ успѣваетъ обнаружить блескъ неувядающей красоты. И среди мелкихъ чеховскихъ набросковъ, написанныхъ иногда въ одинъ присѣсть, найдутся истинные перлы искусства. Но вообще скромный Чеховъ къ своимъ раннимъ произведеніямъ относился особенно безпретенціозно.

Передо мною характерное письмо Чехова за 1884 г. по поводу одного изъ его преуморительныхъ рассказовъ «Ночь передъ судомъ».

«...Давно собирался надарать тебѣ и вотъ по какому поводу. Мѣсяцъ тому назадъ я послалъ въ «Стрекозу» рассказъ, посвященный «недавно судившемуся другу моему Эмилю Пупу» (мой несчастный стихотворный псевдонимъ). Заглавія не помню. Память до того подлая, что скоро забуду, гдѣ верхъ, гдѣ низъ... Кажется, «Ночь передъ судомъ», подъ заглавіемъ курсивная строка: «случай изъ моей медицинско-шарлатанской практики». Подпись: Дяденька. Было до сего дня напечатано что-либо подобное въ «Стрекозѣ»? Этого журнала я не вижу и не читаю: то боленъ, то занятъ, и нигдѣ не бываю. Написать въ «Стрекозу» справку не хочется. Рассказъ нѣсколько нецензуренъ: либераленъ, сальенъ и прочее. Если будешь писать въ Питеръ, то справься о судьбѣ чеховскаго рассказа. Впрочемъ, справка эта не имѣетъ особой важности, и я мало потеряю, если ты забудешь... Пишу же тебѣ о семъ съ тою цѣлью, чтобы выдать тебѣ съ головою автора, дерзнувшаго украсить свой рассказъ твоимъ «эмилепупствомъ». Ну, какъ живешь? Чай, на южномъ просторѣ (...) и стишки пописываешь? Счастливчикъ! Я же скорблю. Работы пропасть, денегъ мало, здоровье негодное. Поемъ «Фрере-Жаке»,—слѣдь тобой оставленный... Мечталъ къ празднику побывать въ Питерѣ, но задержало кровохарканіе (не чахоточное). Читаю твои произведенія и браню тебя

за неприлежаніе: мало пишешь! Не увидимся ли гдѣ нибудь лѣтомъ? А? Напиши-ка! На югѣ лѣтомъ я буду. Вчера мнѣ снился почему-то Крамсаковъ (бывшій нашъ учитель гимназій). Избираю его фамилію своимъ фельетоннымъ псевдонимомъ. Прощай! жму тебѣ руку и желаю купно съ твоей семьей всѣхъ благъ. Твой А. Чехонте».

Это письмо во многихъ отношеніяхъ характерно для Чехова, обрисовывая и его авторскую скромность, и безпритязательность. Надо принять во вниманіе, что Чеховъ тогда очень нуждался въ матеріальномъ отношеніи, работая изо всѣхъ силъ, и утрата очерка дл него, разумѣется, представляла значительный ущербъ. Характерно и это поспѣшное добавленіе въ скобкахъ о кровохарканіи, что оно-де не чахоточное. Чеховъ еще не зналъ тогда о своей болѣзни, а только смутно догадывался о ней, и онъ спѣшитъ увѣрить себя, что на «Шипкѣ все спокойно».

XI.

Денежныя дѣла очень часто искажаютъ отношенія между людьми. Съ этой стороны Чеховъ представлялъ исключеніе. И я не знаю, была ли у него въ жизни хоть разъ какая-нибудь катастрофа изъ-за денежныхъ счетовъ. Всегда онъ умѣлъ съ удивительнымъ тактомъ сохранить равновѣсіе въ подобныхъ случаяхъ. Сейчасъ мнѣ припоминается такой случай.

Въ «авелановскій періодъ» Чехову, однажды, понадобились въ Москвѣ 300 р. Очевидно, всѣ первые источники были имъ исчерпаны. Заявилъ мнѣ Чеховъ о своей нуждѣ во время одного, не совсѣмъ приличнаго, ужина, который устраивалъ одинъ горячій почитатель Чехова. Я сказалъ «не совсѣмъ приличнаго ужина», потому что нашъ амфітріонъ разошелся по-московски и ужинъ человѣкъ на 10 обошелся что-то около 400 р. Когда Чеховъ сказалъ мнѣ о своей нуждѣ, я подаль ему мысль, перехватить пока 300 р. у амфітріона, всегда

имѣвшаго при себѣ такую сумму. Чеховъ шепнулъ мнѣ: «Это—идея!» И черезъ минуту, когда амфитріонъ обратился къ Чехову съ изъявленіемъ своихъ чувствъ, Чеховъ сказалъ полу-шутя:

— А ты мнѣ дашь 300 рублей?

— Ты серьезно спрашиваешь?

— Серьезно,—сказалъ, улыбаясь, Чеховъ.

Я былъ увѣренъ, что амфитріонъ немедленно доставитъ бумажникъ и протянетъ Чехову. Но вышло не такъ. Сіявшее благодушіемъ лицо амфитріона вдругъ сдѣлалось серьезнымъ.

— Ну, что-жъ?—заговорилъ онъ дѣловымъ тономъ.— Приходи завтра. Поговоримъ. Можно будетъ устроить.

— Я пошутилъ,—сказалъ серьезно Чеховъ и, протянувъ свой бокалъ, чокнулся съ амфитріономъ.

— За твое здоровье!

И навсегда Чеховъ остался съ амфитріономъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Чеховъ не только не былъ безсребренникомъ, но и широкой натурой относительно денегъ. И никто, вѣроятно, не знаетъ такого случая въ жизни Чехова, когда онъ тратилъ бы деньги зря, безъ раздумья. Но также никто, вѣроятно, не знаетъ и случая изъ жизни Чехова, когда онъ отказался бы помочь кому-нибудь, имѣя возможность помочь. И въ этомъ отношеніи Чеховъ бывалъ не только добрымъ человѣкомъ, но и истиннымъ христианиномъ, творящимъ добро ради добра.

Приобрѣтя въ 1892 г. съ большими усиліями небольшое имѣніице возлѣ станціи «Лопасня» московско-курской желѣзной дороги, Чеховъ часто ограничивалъ себя во многомъ, но, все-таки, устроилъ школу для крестьянъ и организовалъ въ своемъ «Мелиховѣ» врачебный пунктъ, т.-е., несмотря на свое нездоровье и недосугъ, посвящалъ утро пріему больныхъ крестьянъ и въ содѣйствіи съ своей надеждой помощницей, сестрой Марьей Павловной, всячески облегчалъ тяжелую участь крестьянъ.

А между тѣмъ, матеріальное положеніе Чехова въ

этотъ періодъ не было положеніемъ изъ лучшихъ. Запутавшись съ «Мелиховымъ», которое часто требовало неотложныхъ расходовъ, Чехову иногда приходилось покидать деревню и ѣхать въ Москву съ спеціальной цѣлью добывать извѣстную сумму денегъ. И въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ за 1897 г. Чеховъ такъ изображаетъ свое положеніе:

«...Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ міроѣдомъ, у меня не бываетъ дня свободнаго. Постройки, поѣздки и прочее, и прочее. Кромѣ того, въ мартѣ предстоитъ читать корректуру новой повѣсти (вѣроятно, «Мужики»), которая пойдетъ въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли», и добывать тысячу рублей, для чего, вѣроятно, придется зарѣзать человѣка, ибо легальные источники всѣ изсякли».

Вотъ еще передо мною письмо, рисующее Чехова съ денежной стороны.

Въ 1899 г. я былъ въ Казанской губерніи и написалъ Чехову объ истинномъ положеніи дѣлъ, т.-е. о нуждѣ среди крестьянъ, прося его содѣйствія. Отъ Чехова скоро получился отвѣтъ:

«Милый П. А. Посылаю по глаголу твоему 100 рублей въ Нарманку и столько же въ Чистополь, и очень-очень радъ, что это такъ вышло, т.-е., что ты обратился ко мнѣ и что я исполнилъ твое желаніе. Ты пишешь: «попроси добрыхъ людей». Я по возможности обираю ялтинскихъ «добрыхъ людей», но спеціально для самарскаго кружка, питающаго дѣтей. Одно могу сдѣлать для Казанской губерніи—напечатаю къ свѣдѣнію добрыхъ людей въ мѣстной газетѣ».

Но какъ бы ни были велики жертвы ради тѣхъ или того дѣла, которое намъ любо, все же это далеко отъ евангельской заповѣди, повелѣвающей дѣлать добро даже и для тѣхъ, кто причиняетъ намъ страданія. Между тѣмъ, мнѣ извѣстенъ случай, когда Чеховъ и въ подобныхъ случаяхъ не захлопывалъ дверей передъ стучавшимися, а посильно дѣлалъ, что могъ, для облегченія

ихъ участи. Впрочемъ, это и самъ по себѣ интересный случай.

Осенью 1901 г., въ одинъ изъ антрактовъ въ московскомъ Художественномъ театрѣ, ко мнѣ подошелъ небольшого роста студентъ съ блѣднымъ интеллигентнымъ лицомъ и, назвавши свою фамилію, спросилъ: не знаю ли я, гдѣ находится нѣкая г-жа Б.? При этомъ студентъ объяснилъ мнѣ, что онъ въ одномъ районѣ съ г-жей Б. организовалъ помощь среди нуждающихся крестьянъ, и г-жа Б. много говорила ему обо мнѣ и моей семьѣ. Потому-то онъ и рѣшилъ обратиться ко мнѣ.

Я самъ интересовался судьбою самоотверженной дѣвушки Б., бросившей семью и всѣ удобства жизни ради исполненія долга, который призывалъ ее на «дѣйствительную службу». Я долгое время не имѣлъ о ней никакихъ свѣдѣній.

Мы разговорились со студентомъ, который былъ на послѣднемъ курсѣ медицинскаго факультета и, между прочимъ, участвовалъ уже въ организаціи помощи татарамъ во время чумной эпидеміи. Здѣсь его даже постигло роковое несчастье. Онъ заразился прививочной лимфой доктора Хавкина и, хотя его вылѣчили, но отъ времени до времени у него, все-таки, появлялись опухоли, и со временемъ предвидѣлась операція, которая могла кончиться смертью. Обо всемъ этомъ студентъ говорилъ спокойно и хорошо, и очень заинтересовалъ меня своей личностью.

Въ слѣдующемъ антрактѣ мы встрѣтились съ нимъ, уже какъ добрые знакомые. А послѣ спектакля, прощаясь съ симпатичнымъ студентомъ, я далъ ему свой деревенскій адресъ и просилъ его, въ случаѣ нужды, обращаться ко мнѣ запросто.

Прошло нѣсколько недѣль. Увлеченный одной работой, я совершенно забылъ о встрѣчѣ со студентомъ. Однажды получаю изъ Москвы объемистый пакетъ съ неразборчивой подписью. Нѣкто пишетъ мнѣ, что ему недвѣхъ будутъ дѣлать операцію чрезосвѣченія, чтобы извлечь какія-то железы съ бугорчатымъ поражениемъ. На

операцію онъ, хотя и согласился, но почти увѣренъ, что не перенесетъ ее. Однако, онъ примирился съ смертью, и жаль ему только одного,—что онъ сдѣлалъ мало полезнаго. Ко мнѣ обращается съ просьбою написать ему нѣсколько словъ о себѣ, и не узналъ ли я чего о г-жѣ Б.

Тутъ я догадался, что письмо было отъ студента Г., съ которымъ я познакомился въ московскомъ Художественномъ театрѣ. Я прочелъ письмо моей семьѣ, и на всѣхъ оно произвело глубокое впечатлѣніе. Въ тотъ же день я отвѣтилъ, какъ сумѣлъ, студенту и написалъ въ больницу, гдѣ должна была дѣлаться операція, чтобы меня извѣстили о положеніи Г.

Опять прошло нѣсколько недѣль. И опять студентъ Г. подъ вліяніемъ текущихъ заботъ потускнѣлъ въ моей памяти.

Былъ канунъ Рождества. Передъ вечеромъ мнѣ говорятъ, что къ намъ пріѣхалъ студентъ Г. Я обрадовался, сбѣжалъ сверху въ столовую и засталъ тамъ Г., уже дружески бесѣдовавшаго съ моей семьей. Онъ былъ блѣденъ, очень слабъ и походилъ на мертвеца въ студенческомъ мундирѣ, при чемъ всякій разъ, когда хотѣлъ выразить какую-нибудь мысль, дѣлалъ усилія и сжималъ свои маленькіе кулачки. Оказалось, что операція прошла благополучно. Но дальнѣйшія условія его жизни въ Москвѣ были такъ тягостны, что онъ рѣшилъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ и пріѣхалъ на нѣсколько дней, чтобы хоть немного отдохнуть у насъ. И видъ его, и положеніе вызвали во всѣхъ горячее участіе къ нему; и мы постарались, какъ могли, устроить его поудобнѣе. Черезъ нѣсколько дней онъ замѣтно поправился и посвѣжѣлъ; но его мечтой было поѣхать на югъ, гдѣ онъ могъ бы и здоровье свое укрѣпить, и улучшить свое матеріальное положеніе. У него было свидѣтельство на право массажной практики. Тутъ я вспомнилъ о Ялтѣ, о Чеховѣ и началъ настаивать, чтобы Г., не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, ѣхалъ немедленно въ Ялту, а въ Ялтѣ его ужъ непременно

пріютятъ. И я въ тотъ же вечеръ написалъ Чехову, С. Я. Елпатьяевскому и еще кому-то на тотъ случай, если кого-нибудь изъ нихъ нѣтъ въ Ялтѣ. Отъ Чехова былъ скоро полученъ отвѣтъ, что для студента Г. въ Ялтѣ все готово, и онъ можетъ пріѣхать, когда ему угодно. Въ этомъ же письмѣ Чеховъ проявилъ свою деликатную заботливость о Г. до того, что сообщалъ самый подробный маршрутъ, куда и къ кому обратиться, если Г. пріѣдетъ тогда-то или на такомъ-то пароходѣ, а куда обратиться, если на другомъ. Кромѣ того, для Г. была припасена и небольшая сумма денегъ.

Г. уѣхалъ въ Ялту и черезъ нѣкоторое время прислалъ намъ восторженное письмо о Крымѣ, о Чеховѣ и объ улучшеніи своего здоровья. Намъ оставалось только благославлять судьбу и безцѣннаго Антона Павловича.

Но черезъ нѣкоторое время отъ Чехова было получено письмо, ошарашившее всѣхъ насъ. Привожу его цѣликомъ.

«Милый П. А. ! Ко мнѣ то и дѣло приходятъ студенты съ просьбой объяснить имъ, что за человекъ студентъ Г. По справкамъ оказалось, что студентомъ онъ никогда не былъ, хотя и называетъ себя студентомъ-медикомъ V-го курса и даже показываетъ телеграмму, въ которой его приглашаютъ занять мѣсто врача въ 300 р. жалованья въ мѣсяць. Несетъ онъ чепуху, надъ которой посмѣялся бы даже первокурсникъ, не знаетъ рѣшительно ничего, не можетъ назвать ни одного профессора, ни одного предмета, чтобы тутъ же не налгать съ три короба, и прочее. Студенты справлялись у одесскихъ и бессарабскихъ врачей, у которыхъ онъ, по его словамъ, служилъ, и отъ нѣкоторыхъ пришелъ отвѣтъ, который ошеломилъ студентовъ. И они теперь не знаютъ, какъ быть, какъ держать себя съ Г., который, какъ нарочно, состоялъ въ числѣ устроителей студенческаго концерта, истратилъ 42 руб. «на извозчика», начинаетъ поговаривать о шпіонствѣ. Убѣдительно прошу тебя написать мнѣ возможно подробнѣе, кто этотъ Г., откуда онъ, почему онъ носитъ студенческой мундиръ, и прочее, и прочее. Здѣсь всѣ

съ нетерпѣніемъ ждуть отъ тебя отвѣта. Напиши, пожалуйста. Новаго ничего нѣтъ. Л. Н. (Толстой) опять-было прихворнулъ, начался у него плевритъ, но теперь ничего. Будь здоровъ. Желаю тебѣ всего хорошаго.

Твой А. Чеховъ.

Ялта, 1902, 2-го марта».

«Р. С. Написать мнѣ это письмо поручилъ также и Г., который увѣряетъ, что ты прекрасно знаешь, кто онъ, и можешь доказать, что онъ былъ студентомъ-медикомъ».

Прочитавши письмо Чехова, мы не знали, что и думать, что Г. былъ самозванцемъ, намъ было тяжело. Онъ такъ тепло относился къ моей семьѣ и со слезами на глазахъ уѣзжалъ отъ насъ. И этотъ самый человѣкъ говоритъ Чехову, что я *могу* доказать, что онъ студентъ-медикъ! Что за мистификація? Осталось одно, послѣдовать совѣту Сократа: изслѣдовать явленіе. У насъ въ то время жилъ студентъ московскаго университета, котораго мы и снарядили въ Москву, съ просьбой разузнать о Г. въ университетской канцеляріи, въ больницѣ, гдѣ Г. дѣлали операцію, и вообще выяснить, что это за человѣкъ. Черезъ нѣсколько дней нашъ студентъ пріѣхалъ и сообщилъ о Г. цѣлый ворохъ свѣдѣній, которыя противорѣчили одно другому. Въ студенческомъ списокѣ Г. не числился. Но операцію ему дѣлали. И одни, знавшіе его отзывались о немъ, какъ о героѣ, другіе—тоже, какъ о героѣ, но съ другого конца. Я написалъ обо всемъ подробно Чехову, и мы съ нетерпѣніемъ ждали письмо отъ него.

Письмо, наконецъ, получилось. Но содержаніе его еще болѣе поразило насъ, нежели первое. Только жизнь и можетъ ткать такія кружева.

Вотъ письмо Чехова:

«Дорогой П. А.! Съ Г. уже все кончено: онъ умеръ дня за три-четыре до полученія мною твоего послѣдняго письма. Онъ болѣлъ дня три, поставленъ былъ діагностъ—заворотъ кишокъ. Ему сдѣлали операцію, вскрыли

животъ—и онъ умеръ. Нашли у него бугорчатку брюшины между прочимъ. Что онъ за человекъ, такъ и осталось тайной для всѣхъ. Здоровье Л. Н. поправляется. Воспаленіе легкихъ давно уже кончилось, осталась одна только слабость. Погода въ Ялтѣ хорошая, уже весенняя, и здоровье мое стало лучше. Всю зиму здоровье было скверно, ничего не дѣлалъ».

Послѣ этого Чеховъ никогда не писалъ и не говорилъ о Г. А между тѣмъ, какъ я потомъ узналъ, Г. въ достаточной степени изводилъ Чехова. Но Антонъ Павловичъ, несмотря на все свое нерасположеніе къ Г., все-таки матеріально поддерживалъ мнимаго студента.

ХІІ.

Чарующій талантъ Чехова, его скромность, сердечная доброта и превосходный житейскій тактъ привлекали къ Чехову симпатіи людей всевозможныхъ возрастовъ и положеній.

Съ Чеховымъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ и Я. П. Полонскій, и Л. Н. Толстой, В. А. Гольцевъ, и А. С. Суворинъ. А покойный А. Плещеевъ иначе и не называлъ Чехова, какъ : «милая Чехія».

Но особенно знаменательны отношенія Л. Н. Толстого къ Чехову. Такъ эти два замѣчательныхъ человека различны во многомъ, а между тѣмъ я никогда не видѣлъ, чтобы Левъ Николаевичъ относился еще къ кому-нибудь съ такой нѣжной пріязнью, какъ къ Чехову. Даже когда Л. Н. Толстой только заговаривалъ о Чеховѣ, то у него становилось лицо другимъ—съ особеннымъ теплымъ отсвѣтомъ. Скупой вообще на внѣшніе знаки нѣжности и на восторги передъ современными явленіями, Левъ Николаевичъ почти всегда въ отношеніи Чехова держалъ себя, какъ нѣжный отецъ къ своему любимому сыну.

Чехова можно и за глаза хвалить, —говаривалъ обыкновенно Левъ Николаевичъ, когда при немъ заходила

рѣчь о Чеховѣ. А когда находился еще въ зачаточномъ положеніи вопросъ объ изданіи А. Ф. Марксомъ полнаго собранія сочиненій Чехова, то Л. Н. Толстой говорилъ объ этомъ съ такимъ увлеченіемъ, съ какимъ никогда не говорилъ о собственныхъ дѣлахъ.

— Передайте, пожалуйста, Марксу,—сказалъ онъ, прощаясь съ однимъ изъ своихъ гостей:—что я настоятельно совѣтую ему издать Чехова. Послѣ Тургенева и Гончарова, ему вѣдь ничего не остается, какъ издать Чехова и меня. Но Чеховъ гораздо интереснѣе насъ, стариковъ. Я самъ сейчасъ же съ удовольствіемъ приобрѣту полное собраніе сочиненій Чехова, какъ только оно появится въ продажѣ.

Никого изъ русскихъ писателей такъ часто не читали вслухъ у Толстыхъ, какъ Чехова. Случалось даже такъ, что въ короткое время по нѣскольку разъ читали одинъ и тотъ же его рассказъ. А съ однимъ изъ рассказовъ Чехова, «Душечкой», для меня связано какъ бы своего рода откровеніе о писательской жилкѣ Л. Н. Толстого, то-есть для меня только тогда стало ясно, до какой степени прочно и глубоко втиснуть писатель въ природу Л. Н. Толстого и какъ ему близки писательскіе интересы.

Зимой 1899 г. я какъ-то пришелъ въ Москвѣ къ Толстымъ съ номеромъ «Семьи», въ которомъ была напечатана «Душечка». За вечернимъ чаемъ заговорили о литературѣ. Я сказалъ о новомъ рассказѣ Чехова. Левъ Николаевичъ живо заинтересовался и спросилъ меня, читалъ ли я новый рассказъ и какъ нахожу его. Я сказалъ, что рассказъ ничего себѣ и что если Л. Н. интересуется имъ, то у меня рассказъ этотъ съ собою.

— Новый рассказъ Чехова! Хотите слушать?—какъ бы анонсировалъ Левъ Николаевичъ.

Всѣ изъявили согласіе.

Съ первыхъ же строкъ чтенія, Л. Н. началъ произносить отрывочныя междометія одобрительнаго свойства. А затѣмъ не выдержалъ и во время чтенія обратился ко мнѣ съ оттѣнкомъ укоризны:

— Какъ же это вы сказали: «ничего себѣ»? Это перлъ, настоящій перлъ искусства, а не «ничего себѣ».

И послѣ чтенія Л. Н. съ одушевленіемъ заговорилъ о «Душечкѣ» и цитировалъ на память цѣлыя фразы.

— Какъ мѣтко и хорошо,—говорилъ онъ:—схвачень Чеховымъ языкъ телеграфиста! И эти «похороны»! И это истинное женское чувство, такъ сжато и такъ мастерски выраженное въ «Душечкѣ»! Превосходный рассказъ! И какъ истинное художественное произведеніе, оно, оставаясь прекраснымъ, можетъ производить различные эффекты.

Черезъ нѣкоторое время къ Толстымъ пришли свѣжіе гости. Л. Н. поздоровался и спросилъ:

— Читали новый рассказъ Чехова—*Душечку*? Нѣтъ? Хотите послушать?

И Л. Н. опять началъ читать «Душечку».

Болѣе всего плѣнялся Л. Н. Толстой въ послѣднее время чеховской формой, которая въ первое время его озадачивала, и Л. Н. никакъ не могъ свыкнуться съ ней, не могъ понять ея механизма. Но затѣмъ уяснилъ себѣ ея секретъ и восхищался.

Какъ-то во время прогулки въ ясно-полянскомъ паркѣ одинъ изъ гостей Л. Н. заговорилъ о новомъ произведеніи писателя, котораго сравнивали съ Чеховымъ. Левъ Николаевичъ остановился и, заложивъ руку за поясъ блузы, сказалъ въ раздумьи:

— Не понимаю, почему его сравниваютъ съ Чеховымъ. Чеховъ, по-моему, несравнимый художникъ. И если ужъ кого напоминаетъ, то Мопассана. Я недавно вновь перечиталъ почти всего Чехова. И все у него чудесно. Есть мѣста неглубокія, нѣтъ, неглубокія. Но все прелестно. И Чехова, какъ художника, нельзя даже и сравнивать съ прежними русскими писателями—съ Тургеневымъ, съ Достоевскимъ или со мною. У Чехова своя особенная форма, какъ у импрессионистовъ. Смотришь, человекъ будто безъ всякаго разбора мажетъ красками, какія попадаютъ ему подъ руку, и никакого, какъ будто, отношенія эти мазки между собою не имѣютъ. Но отойдешь,

посмотришь—и въ общемъ получается удивительное впечатлѣніе. Передъ вами яркая, неотразимая картина. И вотъ еще наивѣрнѣйшій признакъ, что Чеховъ истинный художникъ; его можно перечитывать нѣсколько разъ, кромѣ пьесъ, конечно, которыя совсѣмъ не его дѣло.

И въ личныхъ своихъ отношеніяхъ великій писатель всегда проявлялъ къ Чехову особенное вниманіе. Въ домѣ Толстыхъ Чеховъ всегда былъ милымъ желаннымъ гостемъ.

Осенью 1901 г. мнѣ пришлось быть въ Крыму у Толстыхъ, когда ждали Чехова, точно какого-нибудь принца. «Сейчасъ долженъ пріѣхать Чеховъ!» Наконецъ, доложили, что Чеховъ пріѣхалъ. Всѣ оживились и обрадовались. И цѣлый день Левъ Николаевичъ провелъ съ Чеховымъ, какъ съ милымъ другомъ, ѣздилъ съ нимъ въ Алушку, къ морю, и съ радушнымъ гостепріимствомъ принималъ его у себя.

За цѣлый день пребыванія Чехова у Толстого былъ только одинъ моментъ съ небольшой тучкой.

Сидѣли на огромной верхней террасѣ гаспринской виллы съ чарующимъ видомъ на море. День былъ тихій, очаровательный—похожій на наши сѣверные лѣтніе дни. Левъ Николаевичъ съ одушевленіемъ говорилъ объ искусствѣ, цитируя, между прочимъ, на память нѣкоторыя сцены изъ произведеній Чехова. Чеховъ скромно слушалъ, закрываясь рукой отъ солнца, и, откашливаясь, бросилъ украдкой взглядъ на платокъ. Наступила пауза. Съ моря подулъ освѣжающій вѣтерокъ. Всѣ и безъ того чувствовали себя прекрасно, а тутъ всѣмъ стало еще лучше. Вдругъ меня дернуло обратиться съ вопросомъ къ Чехову: правда ли, что онъ пишетъ новую пьесу?

Левъ Николаевичъ нахмурился. Очевидно, въ немъ возникла борьба двухъ ощущеній—чувства справедливости и чувства радушнаго хозяина, желающаго сдѣлать какъ можно больше пріятнаго для своего милаго гостя. Чеховъ, кажется, замѣтилъ появившуюся тучку и

сказаль что-то неопредѣленное. Чувство справедливости, въ концѣ концовъ, взяло верхъ надъ любезностью хозяина.

— Ну, зачѣмъ же пьесы?—сказаль Левъ Николаевичъ.—Пусть Антонъ Павловичъ пишетъ то, въ чемъ онъ наиболѣе силенъ.

Наступила легкая заминка. Но тучка начала таять и скоро совершенно разошлась на чистой лазури дружеской пріязни между Л. Н. Толстымъ и Чеховымъ.

Знакомство Л. Н. Толстого съ Чеховымъ было непродолжительное. Если не ошибаюсь, они познакомились лѣтъ семь назадъ. Но причина такого поздняго знакомства лежала, во всякомъ случаѣ, не во Львѣ Николаевичѣ. Онъ всячески искаль знакомства съ Чеховымъ и, кажется, былъ у него первымъ. Мнѣ доподлинно извѣстно, что Левъ Николаевичъ ничего не имѣль противъ того, чтобъ первому пойти къ Чехову. И мнѣ припоминается такой эпизодъ.

Въ 1892 г. я жилъ въ Москвѣ въ меблированныхъ комнатахъ «Америка». Однажды вечеромъ ко мнѣ прибѣжалъ въ волненіи сосѣдъ и сказаль, что меня спрашиваетъ Л. Н. Толстой. Меня даже лихорадка забила отъ этого извѣстія. (Я намеренъ имѣль счастье познакомиться съ нашимъ великимъ писателемъ). Я вышелъ въ коридоръ. Левъ Николаевичъ былъ въ полушубкѣ и, извиняясь за беспокойство, спросиль, не могу ли я сообщить ему адресъ Чехова. Въ то время Чеховъ былъ въ Москвѣ, и у меня былъ записанъ его адресъ. Я попросиль Льва Николаевича зайти ко мнѣ и началъ искать адресъ. Но или моя лихорадка была причиной, или адресъ Чехова дѣйствительно, затерялся куда-то, но я никакъ не могъ его найти. И я тѣмъ болѣе волновался, что видѣль явное нетерпѣніе Льва Николаевича. Онъ, вѣроятно, поняль мое чувство и объяснилъ свою нетерпѣливость тѣмъ, что его ждетъ у подъѣзда художникъ И. Е. Рѣпинъ, который желаетъ навѣстить Чехова, а Л. Н. присоединился къ нему. Такъ на этотъ разъ свиданіе Л. Н. Толстого съ А. П. Чеховымъ и не состоялось.

Лѣтъ 10 назадъ у меня какъ-то возникъ разговоръ съ Чеховымъ о томъ, что онъ словно уклоняется отъ знакомства съ Л. Н.

— Вѣдь тебѣ извѣстно, что Левъ Николаевичъ и любитъ тебя, и хочетъ съ тобою познакомиться?—спросилъ я.

Но Чеховъ заговорилъ съ такой теплотою о Л. Н. Толстомъ, что мнѣ и безъ объясненій его сейчасъ же стало ясно, почему Чеховъ еще не былъ у Л. Н. Толстого. Чеховъ былъ въ сущности очень застѣнчивъ и еще болѣе деликатень. И онъ боялся своимъ приходомъ какъ-нибудь стѣснить Льва Николаевича. Но его тянуло къ нему. И Чеховъ нѣсколько разъ собирался написать Льву Николаевичу «большое-большое, хорошее-хорошее письмо».

Въ «Ясной Полянѣ», если не ошибаюсь, Чеховъ былъ только одинъ разъ, и въ первый свой пріѣздъ оставилъ послѣ себя элегическое впечатлѣніе. Льву Николаевичу послѣ бесѣды съ Чеховымъ стало ясно, что Чеховъ стоитъ внѣ религіознаго исканія, которое одно, по глубокому убѣжденію нашего великаго писателя, только и можетъ привести человѣка къ внутреннему озаренію и къ источнику истинной жизни. Но его неотразимо привлекать Чеховъ, и какъ художникъ, и какъ человѣкъ съ прекраснымъ, мягкимъ характеромъ. Отсюда и получилось элегическое впечатлѣніе.

Приходить на память еще одинъ интересный эпизодъ между Л. Н. Толстымъ и Чеховымъ, хотя долженъ сказать, что рассказъ объ этомъ мнѣ извѣстенъ изъ вторыхъ рукъ.

Во время болѣзни Л. Н. Толстого въ Крыму, когда ему было очень плохо, больного пріѣхалъ навѣстить Чеховъ. Левъ Николаевичъ былъ очень слабъ, и ему было запрещено много говорить. А между прочимъ, какъ разъ передъ этимъ Л. Н. Толстому читали чеховскихъ «Трехъ сестеръ»; пьеса ему не понравилась, и у него много было сказать Чехову по этому поводу. Однако го-

ворили мало. Но, когда Чеховъ сталъ прощаться, Левъ Николаевичъ не выдержалъ, и, поцѣловавши Чехова, съ усиліемъ прошепталъ ему на ухо:

— А пьеса ваша все-таки плохая.

Чеховъ, будто, несмотря на торжественную минуту, тоже не выдержалъ и разсмѣялся. И все это очень похоже и на Л. Н. Толстого, и на Чехова.

Несмотря на разницу своихъ лѣтъ и міропониманій, они питали другъ къ другу тяготѣніе. И, можетъ-быть, никто не охватываетъ теперь съ такой остротой зрѣнія всей огромности утраты Чехова и никто такъ не груститъ по Чехову, какъ Л. Н. Толстой. Хотя онъ и зналъ о недугѣ Чехова, но всегда крѣпко вѣрилъ, что Чеховъ, при правильномъ образѣ жизни, протянетъ еще долго. И не думалъ, разумѣется, великій писатель, что ему придется пережить своего молодого друга.

Когда два года назадъ Чеховъ, бесѣдуя, какъ врачъ, съ Л. Н. Толстымъ, сказалъ ему, что онъ можетъ еще совсѣмъ поправиться въ Крыму, Л. Н. покачалъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ совсѣмъ теперь спускаюсь на дно. Еще въ прошломъ году я былъ моложе васъ, да, да: моложе, а теперь я вамъ въ дѣды гожусь.

Чеховъ понялъ мысль Л. Н. Толстого и съ улыбкой покачалъ головою.

Во время болѣзни Чехова въ Москвѣ Л. Н. Толстой посѣщалъ его и потомъ заглазно съ заботливостью говорилъ о Чехову. Но и Чеховъ платилъ той же монетою Л. Н. Толстому. Когда послѣдній былъ боленъ въ Крыму, Чеховъ не только заботливо слѣдилъ за малѣйшими измѣненіями въ здоровьѣ великаго писателя, но простиралъ доброту своего сердца до того, что, не взирая на недосугъ и свою собственную болѣзнь, еще подробно извѣщалъ о состояніи здоровья Льва Николаевича его знакомыхъ. Письма Чехова въ этотъ періодъ полны заботъ о состояніи великаго писателя.

«Я былъ нездоровъ мѣсяца полтора, — пишетъ мнѣ Чеховъ отъ 29-го декабря 1901 г.: — не выходилъ изъ дому, но знаю очень хорошо, что и какъ съ Толстымъ.

Онъ здоровъ. Докторъ, который лѣчитъ его, бываетъ у меня очень часто и рассказываетъ все, что нужно. Т. какъ-то захворалъ и серьезно, потомъ поправился и теперь молодцомъ. Но старость замѣтно овладѣваетъ имъ; это значитъ, что онъ можетъ прожить еще лѣтъ 20 и можетъ умереть отъ малѣйшаго пустяка каждый день. Въ его положеніи теперь каждая болѣзнь страшна, каждый пустякъ опасенъ. Кромѣ старости, у него никакихъ болѣзней нѣтъ и, вѣроятно, не было. Крымъ ему продолжаетъ нравиться, онъ очень доволенъ».

Думалъ ли Чеховъ, что тотъ самый человекъ, который «каждый день можетъ умереть отъ малѣйшаго пустяка», перенесетъ грудную жабу, тифъ, воспаленіе легкихъ и своего любимаго собрата по оружію?..

Въ другомъ письмѣ отъ 2-го февраля 1902 г. Чеховъ пишетъ мнѣ:

«Вотъ подробности насчетъ Л. Н. Онъ заболѣлъ вдругъ, вечеромъ, Началась грудная жаба, перебои сердечные, тоска. Въ это время доктора, которые его лѣчатъ, сидѣли у меня. Ихъ вызвали по телефону. Утромъ мнѣ дали знать, что съ Толстымъ плохо, что онъ едва ли выживетъ. Началось воспаленіе легкаго, то самое воспаленіе, которое бываетъ у стариковъ передъ смертью. Мучительное, выжидательное настроеніе продолжалось дня два. Затѣмъ извѣстіе по телефону: «Процессъ въ легкихъ не идетъ дальше, явилась надежда». Теперь Т. лежитъ на спинѣ, чрезвычайно слабый, но пульсъ у него хорошій. Надежда не ослабѣла, лѣчатъ его превосходно, въ томъ числѣ московскій врачъ Щуровскій и ялтинскій Альтшуллеръ. То, что Т. остался жить, что есть надежда, я, хотя бы наполовину, отдаю на долю этихъ двухъ докторовъ».

И затѣмъ при всякомъ случаѣ Чеховъ писалъ что-нибудь о положеніи Льва Николаевича, всегда отмалчиваясь или отшучиваясь вскользь о собственной болѣзни.

«Мое здоровье добропорядочно,—пишетъ Чеховъ въ мартѣ 1902 г.—Болѣзненные и всякіе процессы остановились во мнѣ, какъ въ В. и Д. (комическіе персо-

нажи нашей юности). И я влачу жизнь стараго холостяка, жизнь не здоровую, и не болѣзненную».

Въ другомъ письмѣ:

«Не боленъ и не поправляюсь, а такъ, какъ полинявшая рыбка въ акваріумѣ».

XIII.

Перечитывая чеховскія письма и вызывая въ памяти встрѣчи съ Чеховымъ болѣе, чѣмъ за 30 лѣтъ, мнѣ хотѣлось бы отмѣтить тѣ яркія черточки, которыя были присущи исключительно Чехову, которыя составляли его личность и дѣлали Чехова столь обаятельнымъ, что невозможно думать о немъ безъ шемающей тоски. И какъ много общаго между нашею тоскою по Чеховѣ и трогательной скорбью послушника Іеронима въ чеховскомъ разсказѣ *«Святой ночью»*.

«И писанія, и размышленія—все говорило скорбящему Іерониму о суетѣ скорби.

— «Но отчего же,—вопрошалъ онъ:—душа скорбитъ и не хочетъ слушать разума? Отчего горько плакать хочется?»

Читаешь эти строки и невольно присоединяешься къ тоскующему чувству осиротѣвшаго Іеронима, замѣняя только имя усопшаго Николая именемъ незабвеннаго Чехова.

«Умри я или кто другой, оно бы, можетъ, и не замѣтно было. Но вѣдь Чеховъ умеръ! Не кто другой, а Чеховъ! Даже повѣрить трудно, что его уже нѣтъ на свѣтѣ... А какой былъ умъ свѣтлый, какой языкъ благозвучный и сладкій!.. Кромѣ всѣхъ прочихъ человѣческихъ качествъ, въ немъ еще былъ даръ необычайный... Писалъ—чудо! Истинно чудо!.. Въ каждой строчкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность...»

Развѣ это не безцѣнный Антонъ Павловичъ Чеховъ?

XIV.

И невольно опять взоръ тянется къ портрету Чехова, а передъ духовнымъ взоромъ опять проносится цѣлая жизнь. И все яснѣе и яснѣе становится тайна чеховской личности. Весь секретъ въ томъ, что Чеховъ былъ всегда Чеховымъ, являя собою типъ непосредственнаго настоящаго мудреца, который никогда не старался казаться таковымъ.

«Ибо,—говорить Сакиа-Муни:—можетъ еще быть разумъ въ глупцѣ, считающемъ себя глупымъ. Но поистинѣ безнадеженъ мнящій себя мудрымъ».

Да, Чеховъ, прежде всего, былъ всегда Чеховымъ. Не писателемъ, не докторомъ, не марксистомъ или славянофиломъ, но просто Антономъ Павловичемъ Чеховымъ, безъ всякихъ подставокъ, безъ ходуль и подмалевокъ, а такимъ, какими бываютъ дѣти, птицы, цвѣты—и веселымъ, и хмурымъ, и тусклымъ, и обаятельнымъ. И вблизи иногда Чеховъ казался самымъ обыкновеннымъ, сѣренькимъ человѣчкомъ. Но стоило отойти отъ него, стоило сравнить его въ перспективѣ съ другими, какъ онъ сразу выдѣлялся отъ другихъ. И васъ начинало тянуть къ Чехову, какъ тянетъ къ солнцу, къ музыкѣ, къ морю, къ распутившейся сирени. И становилось яснымъ тогда, почему и въ произведеніяхъ Чехова чувствуется всегда и солнышко, и музыка, и прелесть распутившейся сирени.

Это была удивительно гармоничная натура съ уравновѣшенными и согласованными дѣйствіями. Онъ никогда не давалъ себя уносить никакому теченію, а былъ всегда съ якоремъ, всегда съ компасомъ и всегда самимъ собою, какимъ родила его мать—эта рѣдкая изъ русскихъ женщинъ, горе которой теперь такъ велико, что никакія силы не могли бы увеличить его!

И если бы одно опредѣленіе не было такъ затаскано, о Чеховѣ можно было бы сказать: «это былъ человѣкъ», т.-е. не какой-нибудь герой или праведникъ, на котораго надо взирать, закидывая голову, а настоящій человѣкъ.

живой, «всамодѣлишный», какъ говорятъ дѣти, и какимъ въ сущности можетъ быть каждый изъ насъ. Стоитъ только выбросить изъ себя мусоръ, образовавшійся изъ тщеславія, самомнѣнія, умничанья и всякаго «чревокопательства», а стать именно такими, какими насъ Богъ создалъ.

Я уже говорилъ, что ранне-объективное, каратаевское отношеніе Чехова къ людямъ и къ явленіямъ жизни иные принимали за индифферентизмъ и безпринципность въ Чеховѣ. Это недоразумѣніе такъ глубоко заѣло въ нѣкоторыхъ головахъ, что въ одномъ энциклопедическомъ словарѣ даже такъ-таки прямо и напечатано о Чеховѣ, чернымъ по бѣлому, что «отсутствіе опредѣленнаго міросозерцанія, опредѣленныхъ требованій и взглядовъ у Чехова—вотъ отличительное свойство его творчества».

Это у Чехова, который въ теченіе многихъ лѣтъ съ безпримѣрной нѣжностью и теплотою, какъ любящая чайка, рѣялъ надъ болотами русской жизни,—это у него то нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, опредѣленныхъ требованій?! Напротивъ, Чеховъ всегда, даже сызмальства былъ вѣрнымъ другомъ принципа. Онъ только не дѣлалъ никогда,—говоря словами Л. Н. Толстого,—изъ своихъ отношеній дѣла Дрейфуса и не выпячивалъ ничего изъ себя острымъ угломъ. Но когда затрагивалось то, что онъ считалъ принципомъ, Чеховъ умѣлъ отстаивать его съ истиннымъ мужествомъ.

XV.

Въ крестьянскомъ, не запятнанномъ ни грабежами, ни тиранствомъ происхожденіи Чехова лежитъ, между прочимъ, ключъ и къ уразумѣнію многихъ сторонъ личности Чехова, какъ писателя и какъ человѣка. Онъ настоящій, безъ подмѣси, сынъ народа. И во всѣхъ его дѣйствіяхъ, особенно въ его произведеніяхъ, такъ и просвѣчивается молодая душа русскаго народа, съ ея по-

эзией и юморомъ, съ ея мягкостью и жалостливостью къ человѣческому горю.

Стоить только примѣрить мысленно художественную палитру Чехова хотя бы къ такимъ писателямъ, какъ Глѣбъ Успенскій, Гаршинъ и другіе, чтобъ сейчасъ же стало ясно, что и при палитрѣ Чехова ни Глѣбъ Успенскій, ни Вс. Гаршинъ не могли бы, все-таки, дать того, что далъ Чеховъ. Въ ихъ произведеніяхъ не было бы той свѣжести юмора и той тихой чарующей думки, какими проникнуты произведенія Чехова и въ которыхъ такъ и вьется душа русскаго народа. Ихъ кровь уже разжижена, разсироплена городомъ, рефлексіей, интеллигентными недугами.

Не умаляя ни заслугъ, ни прекрасныхъ дарованій Глѣба Успенскаго и Гаршина, я хочу только сказать, что Чеховъ, помимо того, что былъ выдающимся яркимъ художникомъ, является собою и огромной важности національное явленіе, какъ писатель изъ народа, какъ представитель народной поэзіи, народнаго духа.

Чеховъ могъ не написать ни одного разсказа изъ народной жизни и, все-таки, быть ближе къ народу, чѣмъ писатели пишущіе изъ народной жизни, потому что представляетъ собою плоть отъ плоти и душу отъ души народной. И какъ негръ не можетъ ни при какихъ условіяхъ быть не чернымъ, такъ и Чеховъ не могъ не проявить типическихъ народныхъ качествъ, впаянныхъ въ него природою.

Правда, оторванный отъ народа, Чеховъ, къ сожалѣнію, и мало зналъ жизнь народа, и мало далъ изъ народной жизни. Но духъ его творчества, его ласкающій безобидный юморъ, его жалостливое отношеніе къ несчастнымъ, какими бы они ни были людьми, все это—чисто народное, крестьянское, органически связанное съ полевыми цвѣтами, съ поэтическими зорями и вѣчно кроткой, манящей красотою небесъ.

Въ народности чеховскаго творчества лежитъ и главная сила и прелесть Чехова, и огромность его значенія для Россіи.

Чеховъ—сынъ народа, голосъ его души, вѣстникъ и предтеча появленія великихъ народныхъ русскихъ писателей, которые, выйдя изъ народа и не отрываясь отъ него, отразятъ, наконецъ, на экранѣ исторіи всю красоту и глубину души русскаго народа.

И только тогда міръ пойметъ русскій народъ и братски протянетъ ему руку для великой совмѣстной работы.

И въ этомъ отношеніи, то-есть, какъ національное явленіе, Чеховъ представляется особенно свѣтлый праздникъ на нашей улицѣ.

Чеховъ своимъ явленіемъ какъ бы сметаешь весь злой и глухой вздоръ о нашемъ народѣ, которому, яко бы, необходимы «бичи, темницы, топоры». Своею жизнью, своими произведеніями Чеховъ какъ бы отвѣчаетъ «клеветникамъ Россіи»: «Посмотрите на меня. Я изъ крестьянской семьи. Мои предки, вѣроятно, со дня потопа были крестьянами. И у меня, за исключеніемъ нѣкоторыхъ знаній и привычекъ, все чисто-крестьянское, русское, народное. И умъ, и душа у меня крестьянскіе...

«Прочитайте же мои книги, разузнайте о моей жизни и скажите по совѣсти: неужели я, дѣйствительно, такъ грубъ и пошлъ, и дикъ, что на меня могутъ убѣдительно дѣйствовать только «бичи, темницы, топоры?»

Клеветники Россіи скажутъ: «одна ласточка не дѣлаетъ весны. Чеховъ—не примѣръ. Чеховъ—исключеніе».

Но кто жилъ среди народа, тотъ знаетъ, что въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ своего Чехова въ черновомъ видѣ. Но только условія русской жизни таковы, что всѣ эти тысячи непереписанныхъ набѣло Чеховыхъ ложатся пока навозомъ на русскую землю.

И лучшимъ чествованіемъ имени Чехова, лучшимъ вѣнкомъ надъ его могилой будетъ наша заботливость, въ той или иной формѣ, о судьбахъ нашего народа, которому столько обязанъ Чеховъ и внѣ котораго всѣ наши начинанія останутся въ наилучшемъ случаѣ ви-сящими въ воздухѣ.

Чеховъ и съ внѣшней стороны являлъ типическій образъ русскаго крестьянина. Въ рѣдкой деревнѣ не встрѣтишь крестьянина, похожаго на Чехова, съ чеховскимъ выраженіемъ лица, съ чеховской улыбкой.

Чеховъ настолько типиченъ, какъ сынъ народа, что, исключивши его народность, нельзя совершенно понять его ни какъ писателя, ни какъ человѣка.

У Чехова и наклонности были чисто-русскія, деревенскія. Онъ любилъ простыхъ людей, простоту въ отношеніяхъ, простоту въ искусствѣ. Простота была личностью Чехова. Онъ и бесѣды, и кушанья любилъ простыя, незатѣйливыя, хотя умѣлъ удивительно описывать гурманство, рвѣря, что «жаренные гуси мастера пахнутъ».

Любимымъ развлеченіемъ Чехова былъ небольшой кружокъ близкихъ людей, хоровая дѣсня, тихій зеркальный прудъ. Всякихъ многолюдныхъ собраній, баловъ, концертовъ и проч. Чеховъ, въ сущности, терпѣть не могъ и бывалъ тамъ только по необходимости. Изъ всѣхъ городскихъ учрежденій Чеховъ былъ неизмѣннымъ почитателемъ только одного учрежденія—русской бани, гдѣ любилъ попариться по-русски и послѣ бани попить чайку и покалякать съ пріятелями.

По странной случайности мы такъ часто встрѣчались съ нимъ въ этомъ прекрасномъ учрежденіи, что Чеховъ, встрѣчая меня въ Москвѣ, спрашивалъ иногда:

— Что-жъ это я тебя не встрѣтилъ такого-то дня въ банѣ?

При этихъ встрѣчахъ у насъ часто возникали самыя дружескія и интересныя бесѣды. И послѣдняя наша встрѣча съ Чеховымъ (весною текущаго года въ московскихъ Сандуновскихъ баняхъ)—оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. И когда я думаю о Чеховѣ, то онъ мнѣ отчетливо рисуется или мальчишкомъ съ лунообразнымъ, пухло-бѣлымъ лицомъ и ухмыляющейся улыбкой, или исхудавшимъ, но необыкновенно интереснымъ—какимъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ.

И новое ли нѣчто тогда обнаружилось передо мною

въ Чеховѣ, близость ли смерти, которая уже рѣяла надъ нимъ, или что-нибудь другое, но я впервые почувствовалъ, какъ безгранично мнѣ дорогъ этотъ человѣкъ.

Чеховъ стоялъ противъ свѣта. Я окрикнулъ его. Онъ обернулся и, приглядываясь (Чеховъ былъ близорукъ и обыкновенно носилъ пенсенэ), направился ко мнѣ. Мы поздоровались, пошутили насчетъ встрѣчи и рѣшили свидѣться послѣ бани.

Черезъ полчаса я пришелъ въ кабину Чехова и былъ пораженъ его красотой—цвѣтущей, молодой красотой. Я никогда его не видѣлъ такимъ интереснымъ. Глаза у него блестѣли. На щекахъ горѣлъ румянецъ. Я даже спросилъ:

— Почему ты сдѣлался такимъ красивымъ?

Чеховъ весело улыбнулся.

— Баня, братъ, всякаго украсить.

Онъ сидѣлъ свѣжій, привѣтливый, въ бѣлой мохнатой простынѣ, точно молодой патрицій въ тогѣ.

Заговорили о «Вишневомъ садѣ» и о чествованіи Чехова на первомъ представленіи, на которомъ я не былъ. Отношеніемъ къ нему «Художественнаго театра» Чеховъ былъ доволенъ и хорошо говорилъ о Вл. Немировичѣ-Данченко и г. Станиславскомъ. Когда рѣчь зашла о чествованіи Чехова на сценѣ, онъ нѣсколько замаялся, но затѣмъ улыбка заиграла на его губахъ, и онъ началъ юмористически рассказывать баскомъ, который послѣ бани звучно гудѣлъ, какъ у юноши, о своемъ неловкомъ положеніи на сценѣ:

— Я на эстрадѣ, понимаешь. Оваціи, вѣнки, подарки различные—въ старинномъ духѣ, въ славянскомъ вкусѣ. Полотенца какія-то. Взяли откуда-то, что я любитель старины, шкатулки какія-то...

— Съ червонцами?

— Да нѣтъ, понимаешь...

И Чеховъ продолжалъ подшучивать надъ своимъ какъ бы минувшимъ бенефисомъ и затѣвающимся юбилеемъ по случаю 25-лѣтія литературной дѣятельности.

— И какія теперь, понимаешь, могутъ быть юби-

лей?—говорилъ онъ.—Да и откуда взяли, что мой юбилей въ этомъ году. Все это таганрогцы выдумали, которые хотятъ меня чествовать, какъ знаменитаго согражданина, а пишутъ мнѣ между прочимъ: А. Н. Чехову.

Я раздѣлялъ мнѣніе, что всякіе оваціи и вѣнки ни къ чему для писателя, который, какъ таковой, имѣетъ болѣе внушительные и цѣнные знаки общественнаго вниманія, чѣмъ случайный энтузіазмъ случайнаго собранія людей. Но я зналъ по собственному опыту, что русское общество, не отличающееся изобиліемъ формъ для выраженія своихъ мнѣній, часто пользуется первымъ повернувшимся поводомъ, чтобы выразить публично скопившіяся въ немъ чувства.

И при первомъ представленіи «Вишневаго сада» московская публика только чутко выразила затаенное желаніе огромнаго большинства русскихъ образованныхъ людей. Кому же изъ читателей Чехова,—а послѣ марковскаго изданія его читали милліоны людей,—не хотѣлось бы выразить такъ или иначе своего благодарнаго чувства милому писателю? И это былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ для Москвы «пушкинскихъ» дней, когда она, привѣтствуя Чехова, дѣйствительно, являла собою сердце Россіи.

И, щадя чеховскую скромность, я въ общихъ чертахъ высказалъ все это. Чеховъ сдѣлался серьезнымъ и задумался. Затѣмъ оживился и перевелъ разговоръ на Таганрогъ, на старину.

— А знаешь что?—сказалъ онъ.—Какъ бы намъ опять какъ-нибудь провести вечерокъ у Тѣстова?

Я выразилъ согласіе и началъ перечислять лицъ, которыхъ можно пригласить. Когда я упомянулъ о Х., Чеховъ сдѣлалъ гримасу.

— Богъ съ нимъ! Онъ адски скученъ. И ты знаешь, что говорятъ о немъ?—проговорилъ Чеховъ, наклоняясь ко мнѣ и понижая голосъ, чтобы не быть услышаннымъ прислужникомъ.

— Не надо. Я не люблю узнавать дурное о людяхъ. Это всегда искажаетъ отношенія.

Чеховъ смутился. Но сейчасъ же лицо его просвѣтлѣло.

— Ну, ну, хорошо! Не буду. Вообще никого не надо приглашать. Мнѣ хотѣлось бы, понимаешь, провести вечерокъ вдвоемъ, по-старому.

— Спасибо тебѣ. Назначай время.

Чеховъ подумалъ и назначилъ время.

Къ сожалѣнію, намъ болѣе не удалось свидѣться. Въ назначенное время Чехову нельзя было притти, а на другой день я уѣхалъ изъ Москвы.

Но, вѣроятно, въ характерѣ нашей бесѣды было нѣчто особенное не только для меня. Когда Чеховъ ушелъ, прислужникъ, услуживавшій Чехову, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ задумчиво.

— Какъ это хорошо вы побесѣдовали съ Антономъ Павловичемъ!

XVI.

Привинченный искусственно къ городу съ его жизнегрохотаньемъ, Антонъ Павловичъ всегда томился по деревнѣ, по отдаленнымъ горизонтамъ полей, по тихимъ вечерамъ на выступахъ крылечка. Городъ съ его выставочно-ярмарочной жизнью и перекрестными условностями всегда претилъ простой натурѣ Чехова. И иногда онъ прямо бѣжалъ изъ города съ тѣмъ чувствомъ съ какимъ заключенные бѣгутъ изъ тюрьмы. Ялта тоже не удовлетворяла Антона Павловича, не давая ему тѣхъ тихихъ, гармоническихъ впечатлѣній, къ которымъ всю жизнь тянулась его поэтическая душа. Ненавидя ялтинскую городскую жизнь, страдая, какъ работникъ, за свое безтолково разрываемое въ клочки время постоянными набѣгами всевозможныхъ «антоновцевъ» и «антоновокъ», Чеховъ въ концѣ 90-хъ годовъ приобрѣлъ себѣ въ горахъ, недалеко отъ Семейза, у татарской деревушки *Кучукъ-Кой*, нѣсколько десятинъ земли съ небольшимъ домомъ. Антонъ Павловичъ рассчитывалъ тамъ построить для себя домъ и скрываться туда для отдыха—работы. Мѣ-

сто, приобретенное Чеховымъ, очень красиво. Оттуда открывается волшебный видъ на море и на горы. Одинъ изъ пріятелей Чехова, посѣтивши *Кучукъ-Кой*, писалъ Чехову:

И восходя крутой тропой,
Вздыхалъ я, думая: на кой
Антону нуженъ *Кучукъ-Кой*?
Но лишь взглянулъ на *Кучукъ-Кой*,
Мнѣ стало ясно вдругъ: какой
Приливъ и мира, и покоя
Найдетъ здѣсь житель *Кучукъ-Коя*.

Но мечты Чехова не осуществились. Занявшись постройкой виллы въ Ауткѣ, онъ не могъ ничего сдѣлать для *Кучукъ-Коя*. Затѣмъ женитьба... «Художественный театр»... поѣздки въ Москву... И небольшой бѣлый домикъ въ *Кучукъ-Коя* до сихъ поръ стоитъ одинокій—подъ сѣнью огромнаго волошкаго орѣха съ благоухающей листвою... У крылечка выросла трава, а на самомъ видномъ мѣстѣ обвалилась штукатурка.

И кто знаетъ, что далъ бы Чеховъ, если бы судьба поселила его съ юности въ какой-нибудь здоровой живописной деревнѣ, среди мирныхъ подвижниковъ труда!

Но будемъ признательны русской деревнѣ, русской природѣ и особенно русскому народу и за то многое, что они дали Чехову, а онъ, переработавъ въ своей удивительной лабораторіи, подарилъ намъ... И думается: какое счастье принадлежать народу, дающему намъ Чеховыхъ. И какими яркими цвѣтами, какими сверкающими звѣздами украсится нашъ историческій путь, когда нашъ молодой, талантливый, прекрасный народъ выйдетъ, наконецъ, на широкую дорогу свободнаго развитія. Какія неисчерпаемыя сокровищницы духа и ума раскроются тогда передъ міромъ!...

Подумайте только: не открой въ 60-хъ годахъ крестьянинъ Павелъ Чеховъ лавочки на Новомъ базарѣ въ Таганрогѣ, и Антонъ Чеховъ не разносилъ бы теперь по всему культурному міру славу русскаго имени, а—

безвѣстный гнить бы гдѣ-нибудь подъ навозомъ, образовавшимся изъ его безвѣстныхъ предковъ.

И потому невольно въ тоскливыя думы о смерти Чехова вплетаются, какъ лейтъ-мотивъ, и грустныя думы о нашемъ народѣ.

XVII.

Меня много разъ занимала мысль о духовномъ хозяйствѣ Чехова. Какъ и что у него тамъ дѣлается? Я обождать его писательскій талантъ, но мнѣ всегда казалось, что, для полнаго развитія его необыкновеннаго дарованія, Чехову не хватало того духовнаго рычага, опираясь на который, сдвигаютъ не только горы съ мѣста, но и предрасудки человѣческіе. Но мнѣ никогда не приходилось при разговорахъ съ Чеховымъ спускаться по этому вопросу съ нимъ до дна. У Чехова не было тяготѣнія къ бесѣдамъ объ отвлеченныхъ вопросахъ. Въ очеркахъ его кое-гдѣ вспыхиваютъ искры религіознаго исканія, но сейчасъ же и меркнутъ, какъ разноцвѣтныя бенгальскіе огни на темномъ фонѣ ночи. Въ одномъ только разсказѣ: «Убійство», Чеховъ, какъ будто, хочетъ подойти вплотную къ роднику, откуда народъ черпаетъ живую воду. Но подходитъ къ роднику Чеховъ не какъ томимый жаждой, а скорѣе, какъ добросовѣстный врачъ, участливо изслѣдующій заразнаго больного и заботливо принимающій всѣ дезинфецирующія мѣры, чтобы и самому не заразиться и не перенести заразы на другихъ. Кромѣ этого, Чеховъ беретъ въ «Убійствѣ» только внѣшнюю сторону вопроса и даже, очевидно, иногда смѣшиваетъ религію съ обрядностью.

Объ этомъ у насъ какъ-то даже и разговоръ вышелъ.

Рѣчь зашла о двухъ молодыхъ писателяхъ, печатающихся подъ фамиліями своихъ знаменитыхъ родственниковъ. Чеховъ досадовалъ по этому поводу:

— Зачѣмъ они сами же себѣ портятъ? Ну, почему Х-у не взять было себѣ литературной фамиліей *Беневоленскій*, *Предтеченскій* или что-нибудь другое. А то

читатель, какъ только увидить извѣстную фамилію, но съ другимъ именемъ, такъ у него сейчасъ же и пропадаетъ всякій смакъ къ чтенію. Ну, что, дескать, путнаго можетъ написать какой-нибудь Василій Тургеневъ?

— Но развѣ ты считаешь, что Х-у вообще слѣдуетъ писать?—спросилъ я.

Чеховъ задумался.

— Какъ тебѣ сказать? У него есть кое-что. Онъ пишетъ недурно. Но у него нѣтъ своего... стержня.

— У него,—возразилъ я:—прежде всего, нѣтъ никакого Бога.

Чеховъ поморщился.

— Да нѣтъ же! У него, я говорю тебѣ, нѣтъ стержня. Нѣтъ, понимаешь своего стержня,—повторилъ Чеховъ, какъ бы досадуя, что я не понимаю такой простой вещи, какъ стержень, и вмѣсто яснаго и опредѣленнаго понятія подсовываю что-то туманное.

Вспоминается мнѣ еще одна бесѣда съ Чеховымъ по тому же вопросу. Дѣло было въ Крыму, осенью 1900 г. Я былъ у Чехова на его ауткинской виллѣ. Мы сидѣли въ его уютномъ кабинетѣ съ цвѣтными стеклами и широкимъ диваномъ въ нишѣ. Сидѣли и перебирали прошлое, при чемъ Чеховъ иногда дѣлалъ мнѣ таинственный знакъ и притаивался. Но черезъ минуту, заглянувши за уголь дивана, дѣлалъ мину разочарованія.

Въ домѣ Чехова больше, чѣмъ нужно, расплодилось мыши. Онѣ мѣшали ему работать. Кромѣ того, вередили порчей пола хозяйскую жилку въ Чеховѣ. Онъ рѣшилъ объявить имъ войну и обзавелся какими-то хитроумными мышеловками, одну изъ которыхъ и поставилъ около дивана. Но мыши, должно-быть, догадались о вѣроломствѣ Чехова и не шли въ ловушку, а, поскребши полъ, исчезали.

Въ одну изъ паузъ взглядъ мой упалъ на небольшую масляную картинку у двери и заставилъ меня смутиться.

Дѣло въ томъ, что, будучи въ концѣ 80-хъ годовъ на югѣ, я одно время увлекался своего рода живописью,

т.-е. по совершенно чистому и бѣлому полотну безъ всякой подготовки размазывалъ разноцвѣтныя краски. Такимъ образомъ у меня однажды вышла картина подъ названіемъ «Хатки», т.-е. на ней было изображено нѣсколько малороссійскихъ избъ. Чеховъ однажды былъ у меня, увидѣлъ мои «картины» и, должно-быть, чтобъ задобрить меня, началъ хвалить «Хатки». Я обрадовался, что нашелся, наконецъ-таки, истинный цѣнитель искусства, и поспѣшилъ подарить Чехову «Хатки».

И вотъ черезъ 11 лѣтъ вижу мою знаменитую работу въ хорошенькой рамкѣ, вмѣстѣ съ дивными вещами Левитана. Я сказалъ Чехову:

— А знаешь? Ты, все-таки, помѣстилъ бы мою картину гдѣ-нибудь отдѣльно, а не вмѣстѣ съ какимъ-то Левитаномъ.

— Ну, не скажи,—возразилъ Чеховъ.—Твоя картинка именно Левитану и понравилась. «Безграмотно,—говорить:—написано. Но что-то есть».

При этихъ словахъ на лицо Чехова вдругъ надвинулась тѣнь. Онъ судорожно закашлялся, сплюнулъ въ бумажную трубочку и, скомкавъ ее, бросилъ въ каминъ. Глаза его блестѣли отъ влаги, и лицо приняло страдальческое выраженіе. Наступила пауза. Я сдѣлалъ видъ, что сосредоточенъ на пейзажѣ Левитана, украсившемъ каминъ въ кабинетѣ Чехова. Послѣ продолжительной паузы Чеховъ проговорилъ съ горечью:

— Бѣдный Левитанъ! Даромъ пропалъ человекъ.

Левитанъ передъ этимъ умеръ. Чехова связывали съ Левитаномъ и художественное сродство, и долгіе годы дружбы.

Я, чтобъ сказать что-нибудь, спросилъ:

— Почему же «пропалъ»?

— Онъ могъ бы еще долго жить.

Тутъ я, написавшій передъ этимъ «Сократа», схватился за удобный случай, чтобъ процитировать свое произведеніе, и сказалъ:

— А вотъ Сократъ говорить, что слѣдуетъ заботиться не о томъ, чтобъ жить во что бы то ни стало, а только

о томъ, чтобъ жить хорошо. Левитанъ жилъ не плохо и сдѣлалъ, что могъ, оставивъ послѣ себя вѣчную память.

Тутъ мнѣ захотѣлось сказать подъ флагомъ Левитана что-нибудь успокоительное Чехову относительно его болѣзни, и я добавилъ:

— И кто знаетъ? Сколько именно кому надо жить, чтобъ лучше использовать свою жизнь? Быть-можетъ, болѣзнь Левитана, т.-е. мысль о приближеніи конца, и способствовала накопленію въ немъ той духовной квинтъ-эссенціи, которую онъ внесъ въ свои произведенія и сдѣлалъ ихъ бессмертными. И сознаніе это, быть-можетъ, примиряло Левитана съ переходомъ въ другую жизнь.

— Левитанъ боялся смерти и не хотѣлъ умирать,— проговорилъ Чеховъ съ отбѣнкомъ суровости въ голосѣ.

— Боялся, быть-можетъ, пока передъ нимъ не сползла завѣса...

Чеховъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и прервалъ меня:

— Онъ ни во что *это* не вѣрилъ,—въ *тамошнее*. Да и что *тамъ*? Ничего тамъ нѣтъ,—сказалъ Чеховъ съ поразившей меня горячностью.

Но сейчасъ же спохватился и затормозилъ себя и, перенеся взглядъ въ сторону, вяло заговорилъ о чемъ-то незначительномъ.

Вопросъ о вѣрѣ такимъ образомъ былъ снятъ съ очереди.

Но въ послѣднее время въ выраженіи глазъ Чехова и въ отдѣльныхъ его мимолетныхъ замѣчаніяхъ иногда мелькали отблески какихъ-то новыхъ огней; и надъ Чеховымъ въ такія минуты какъ бы струились флюиды чего-то надземнаго. Особенно это кажется топерь, когда перечитываешь нѣкоторыя письма Чехова и вспоминаешь его.

А какъ чудесно прекрасенъ Чеховъ, лежащій съ закрытыми навсегда глазами! Трудно оторваться отъ его

лица принявшаго послѣ смерти совершенно новое, безмятежно-ясное выраженіе.

Смерть часто красить людей, и они хорошѣютъ, какъ картины, съ которыхъ стираютъ засохшую пыль. Но лицо Чехова послѣ смерти особенно похорошѣло. Всѣ земныя краски какъ бы сползли съ него, а остались только одни не блекнущіе тона духовной красоты.

Несомнѣнно, Чеховъ нерѣдко думалъ о смерти. И, быть-можетъ, его опустошенная душа томилась иногда и смутно рвалась къ цѣлительнымъ источникамъ вѣры, не находя одушевляющихъ впечатлѣній ни въ современной русской жизни, ни въ «убогой роскоши» современнаго искусства, ни въ цвѣтущей, но безуханной современной культурѣ. И тогда все понятно: и трогательная грусть Чехова, и его элегическая поэзія послѣднихъ дней, и его необыкновенная кончина, о которой невозможно думать безъ слезъ.

«...Умирающій сидѣлъ въ постели, согнутый и подпертый подушками. Потомъ вдругъ склонился на бокъ и—безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака—жизнь остановилась... Сквозь широко-раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна... Надъ лѣсомъ показалась заря» *).

Господи, какъ это трогательно-прекрасно! Тутъ весь Чеховъ въ его наивысшей красотѣ.

И невольно тоскующая мысль тянется къ милому образу, отлетѣвшему отъ насъ, а изъ глубины души невольно поднимается скорбный протестъ Лира:

Зачѣмъ живутъ собака, лошадь, крыса—
Въ тебѣ-жъ дыханья нѣтъ?..

П. Сергѣенко.

*) „Русск. Вѣд.“ Письмо Г. В. Юлосса.